

ВЕРОНИКА ШАЛЬ

БЕЗ ПРАВА
НА ЗАМОВКАНЬЕ

18+

Вероника Шаль

Без права на забвение

<https://litres.ru/74296777>

SelfPub; 2026

Аннотация

Краткая инструкция, как обрушить катастрофу себе на голову:

- Поверить в любовь и угодить в капкан во время свадебного путешествия. — Сделано!
- Заключить сделку с космическим пиратом в обмен на спасение от плена. — Не вопрос!
- Встретить знакомого незнакомца и гнать от себя все намеки на вспыхивающие чувства: ведь он сосланный преступник и заодно мой подневольный переводчик. — Готово!
- Поверить словам «Я не люблю тебя!» и потерять его навсегда. — Выполняется...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	38
Глава 8	47
Глава 9	53
Глава 10	60
Глава 11	65
Глава 12	72
Глава 13	83
Глава 14	89
Глава 15	96
Глава 16	109
Глава 17	120
Глава 18	132
Гл	140
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Без права на забвение

Глава 1

Полина

— Вот ваш контракт. Ознакомьтесь, подпишите.

Высокий смуглый мужчина протянул мне белый лист плотной бумаги и ручку. Продолговатую, с зауженным кончиком, как на картинке из учебника по истории Древнего мира.

Шариковую?

Сейчас во всей Галактике не найдется планеты, не использующей современных ручек с наночернилами. Именно ими подписываются все документы, где требуется отпечаток почерка, а не электронная подпись.

Я еще раз осмотрелась вокруг, концентрируюсь на каждой детали. В окнах обыкновенное стекло. Стены замызганные, с осыпающейся штукатуркой. Лампочка накаливания под потолком. В какую же древность я попала?

Впрочем, неважно. Сейчас задача у меня не мир идентифицировать, а выжить и вернуться домой. В свою жизнь.

«Не раскисать!» — скомандовала я себе. На душе немного полегчало, теперь можно и контракт почитать.

Уверенным, без доли колебания движением я взяла бумагу в руки и опять обвела взглядом затрапезную комнату в

поисках свободного стула. Или табуретки. Ногам после сумасшедшего дня был нужен отдых.

Не найдя ничего подходящего, отошла к окну с темными, сто лет не мытыми стеклами и потому с трудом пропускавшему дневной свет. Позволила мутному солнечному лучу упасть на бумагу и принялась внимательно изучать контракт, ставший моим спасением от похищения и рабства.

Буквы с трудом складывались в слова и обретали смысл.

Сколько ни бегай глазами по тексту, суть написанного не изменится. С сегодняшнего дня и на ближайший календарный год я принимаю на себя обязательства выполнять работу врача широкого профиля в этой забытой всем миром части света.

Еще раз пробежалась по словосочетанию «широкого профиля» и надеялась, что не одна я под этим набором букв понимаю обычную работу терапевта.

Вот только мое чутье от одного взгляда на обстановку в будущем медпункте завывало сиреной: быть мне здесь многопрофильным специалистом, не меньше. Хорошо, если операции делать не придется. Но выбора нет. Нужно брать что дают.

— В контракте указано, что мне полагаются помощники, — обратилась я к заскучавшему рекрутеру. — Какая будет у них специальность?

— У рабов нет медицинской специальности, — усмехнулся он и поторопился добавить, увидев мои взлетевшие ко лбу

брови: — Вам придется самой всему их обучить.

— Мне не нужны рабы, — теперь я чувствовала, как хмурюсь и в голосе появляются стальные нотки.

«Успокойся. Не спеши. Выдашь себя импульсивной реакцией — и окажешься на месте этих бедняг. От такого поворота никому лучше не станет», — сказала я сама себе и постаралась замедлить дыхание.

Рекрутер, как пес с тонким нюхом, почуял, насколько мне не по себе, и вцепился в мое лицо своими глазами-буравчиками.

Расслабиться. Нужно срочно расслабиться. Мышцы лица, как и остальное тело, вернуть в непринужденное состояние.

И я принялась тихо и неторопливо дышать.

Пара острых взглядов резанули по щеке, царапнули шею и кольнули область декольте, спрятанную под плотной прямого покроя майкой.

Быстро погасить адреналиновую вспышку не удалось. Смуглый только посмотрел, а почувствовала я себя так, словно меня облапали.

— Ну так как, брать рабов будете? — мужчина игриво дернул бровью.

— Возьму, если других вариантов нет.

— Не-а, — помотал головой собеседник. — Сами выберете или примете, кого дадут?

— Сама не буду, — слова слишком быстро сорвались с губ, а голос предательски дрогнул. — Мне женщин, двух.

Одну помоложе, другую постарше.

— Женщин на бытовые работы у нас не предусмотрено, — снова этот пренебрежительный взгляд. — Мужчина вам больше подойдет. И в быту, и кхм... — Тон Смуглого перешел в нарочито похабный: — В общем, вы понимаете?

Я сухо кивнула. Понимаю. Как уж не понять. Не вчера родилась. И криминальные новости «Межгалактического вестника» читаю регулярно. Рабство хоть на словах порицается, но и в более продвинутых мирах не редкость. А уж на таких отсталых планетах удивительно было бы ожидать его отсутствия.

Но мне сейчас не про рабство думать надо, а про дремучие методы и технологии врачевания, с которыми всю придется работать, если не повезет, целый год.

Вот, например, скальпель. Слово знакомое. Помню даже, как выглядит, спасибо учебнику по истории медицины. В руках же скальпель, отлитый из медицинской нержавеющей стали, я ни разу не держала.

В моем мире на многие случаи жизни подходит высокотехнологичный лазерный коагулятор, разрезающий ткани с точностью до микрон.

А лекарства... Что я буду делать без всех нанопрепаратов, которые легко встраиваются в биохимию клетки и без побочных эффектов устраняют неполадку?

Осознание проблемы, предвещающая скорую катастрофу, обрушилось на голову, и я чуть не улетела в бездну отчаяния с

одной-единственной мыслью: «Почему я пропускала лекции по истории медицины?»

— Подписывать будете? — рекрутер нетерпеливо встал из-за стола, приблизился ко мне вплотную и повторно протянул ручку.

Машинально я взяла легкий пластик и, склонившись над столом, поставила размашистую, только что придуманную подпись. Синими чернилами. Ручка и в самом деле оказалась шариковой.

Глава 2

— Теперь, когда формальности улажены, идемте, покажу вашу вотчину.

На ходу сгибая контракт надвое, словно ничего не значащую бумажку, Смуглый направился к выходу.

Вотчина показываться не хотела. Лампочки в коридоре светили так себе: одна из нескольких, небольшой яркости. Отчего весь он тонул в полумраке и увидеть, что находится дальше десятка метров, не представлялось возможным. Лишь проблеск света в самом конце темного прохода, больше напоминающего тоннель, возвещал: выход отсюда есть.

Смуглый с силой ударил по выключателю, чем оживил еще пару лампочек, прочертивших в полумраке проемы дверей, разбросанные по всему коридору, и уверенной походкой направился к ближайшему из них.

— Кабинет для приема пациентов, — приоткрыв дверь, он продемонстрировал убогое нутро.

Дверь с грохотом захлопнулась. Он бодро направился к следующей двери грязно-бежевого цвета.

— Процедурная. Внутри операционная. — И, снова поймав удивление на моем лице, добавил: — Для легких случаев.

— А со сложными куда отвозите?

— Никуда.

Я чувствовала, как стала похожа на Фриду Кало, когда мои брови сошлись на переносице.

— Каждый год одно и то же, — поморщился Смуглый и отвернулся в сторону. — Приезжают волонтеры...

Это что, в его тоне проскользнула нотка презрения?

— Думаете, хотят нести доброе, светлое, вечное? Или облагодетельствовать хотят нас, отсталых дикарей? — мужчина замолчал.

— Тогда зачем они едут?

— Может, мне у вас спросить?

Рекрутер издевается, а я не могу понять, чем ему не угодили почти бесплатные помощники.

— Смотрите, я вижу разруху, отсутствие элементарных средств помощи и невозможность применить свои знания и умения. Меня это напрягает.

— Да ну? — Смуглый покосился на меня, словно увидел то ли вымершего зверя, то ли отъявленную лгунью.

— Так может, закупить оборудование, препараты? Тогда волонтеры смогут проявить свои навыки, — довела я свою мысль до конца.

Мужчина развернул контракт и мельком пробежался по нему взглядом.

— Полина, вы что-нибудь узнавали о планете, на которую волонтерить приехали? — он убрал из тона издевку и лишь недобро сверкнул глазами кофейного цвета.

А вот это уже опасно. И я как можно более безразлично

пожала плечами:

— Не особо.

— Конкретнее, — его черная бровь изогнулась вопросительным знаком.

— Ничего не знаю, кроме того, что врачей у вас почти не осталось.

— Почти! — сокрушенно качнул головой мужчина и, ускорив шаг, приблизился еще к одной двери. — Смотровая, за ней родильная.

Родильная? Протест колючим клубком сжал внутренности и подкатился к горлу. Я не акушер-гинеколог! Только роды мне не хватало здесь принимать.

— Я не... — прохрипела я и сама почувствовала, как глаза расширяются от ужаса.

— Да, — тоном, не терпящим возражений, подтвердил Смуглый. — Больше некому. Повитуху в помощь возьмете, но в тяжелых случаях на нее не рассчитывайте.

Он скривился и снова отвернулся в сторону.

«Волонтеры, хреновы белоручки, — донеслось до моих ушей злобное бормотание. — Работать не заставить, только рабов им подавай».

Вторая часть фразы меня озадачила, но не время выяснять, что мужчина имел в виду, и я сделала вид, что ничего не услышала. Смуглый захлопнул дверь и, развернувшись, продолжил идти вперед.

Светлое пятно в конце коридора чуть потемнело, и из его

нутра донеслось размеренное грохотание. Кто-то поднимается по лестнице, догадалась я. Наверное, там выход на воздух. И я ускорила шаг.

Смуглый продолжал говорить отрывистыми фразами, теперь про стерилизацию и асептику. Которых здесь почти не предусмотрено. Я слушала вполуха. А все потому, что навстречу нам из светлого проема вынырнула пара мужчин, ведущих оживленный разговор на незнакомом мне языке.

Сначала до меня долетели обрывки слов, а потом и целые фразы.

«Придется обрадовать Смуглого еще кое-чем», — опомнилась я.

Но прежде, чем успела произнести хоть одно слово, мы почти поравнялись с мужчинами. Липкий голодный взгляд двух пар глаз обжег лицо, остановился на губах и медленно, оценивающе сполз вниз, на грудь.

Да что же это такое? Машинально подтянула полы кожаной куртки и застегнула. Не привыкла я к такому дерзкому оцениванию.

Мужчины перебросились парой фраз с моим спутником и вернули свое внимание на меня. Который повыше и светлее, держался нагло и раскованно. Переступил с ноги на ногу, качнул бедрами и медленно провел языком по верхней губе, засветив пирсинг на языке. И взглядом стрельнул.

Кажется, нравы здесь под стать общему техническому оснащению.

Я почувствовала, как краска заливает лицо, и, не дожидаясь реакции своего сопровождающего, зашагала вперед.

Надо придумать тактику, как быть с этими дикарями. В том, что бесстыжая демонстрация намерений Высокого была лишь цветочками и меня ждут сложные времена, я ни на секунду не сомневалась. Отпор надо будет давать сразу. Да такой, чтобы надолго запомнился.

Смуглый гортанно рыкнул на своих коллег и поспешил за мной.

— У вас есть два дня привести дела в порядок. С послезавтра идет запись пациентов, — проговорил он как ни в чем не бывало. Словно не заметил ничего непристойного в поведении мужчин.

А может, ничего не пристойного в этом жесте и не было? Подумаешь, язычком поигрался и задницей повилал.

— Мне нужен будет переводчик, знающий межгалактический язык.

Я тоже решила раньше времени не привлекать к себе внимание. Будут поползновения — отвечу. Как? Придумаю! А пока — наблюдать и выжидать.

Но это разумная часть мозга твердила свое видение ситуации. Эмоциональная же составляющая призывала забиться в угол, а еще лучше — спрятаться подальше.

— Одного из рабов будете использовать в том числе переводчиком, — ответил Смуглый.

Световое пятно в конце коридора действительно оказа-

лось выходом на лестницу. Мы быстро преодолели два пролета и оказались внизу.

— Аптечные помещения, — мой спутник махнул рукой в сторону металлической двери. — Аналитическая лаборатория, — показал он на следующую дверь.

Надо же, здесь даже лаборатория есть! Может, там даже пара реактивов завалялась и пипетки для титрования не все разбились? Но спросила я другое:

— Покажите библиотеку.

— Библиотеку? — показалось, Смуглому стало весело и он изо всех сил сдерживается, чтобы не рассмеяться.

— Мне бы фармакопею найти, последнее издание... Или хоть какое. — И я, глядя на отсутствие узнавания заковыристого слова, пояснила: — Это главный свод правил работы и назначения препаратов. Без него невозможно работать в этих условиях.

— Вы еще зеленого с... суслика попросите, — процедил мужчина издевательским тоном. — Ищите здесь. Что найдете — все ваше!

Глава 3

Дин

Жжение, поглощающее каждую клетку, зарождалось над головой, где запястья, плотно прижатые друг к другу и зафиксированные цепями, так, что не пошевелиться, тянули тело вверх. Обжигающая, не знающая пощады боль, как змея, растекалась сверху вниз, превращая тело в один оголенный нерв.

Замираю и прислушиваюсь. Никто не идет, громокая шагами по коридору. Но все равно жду, когда дверь откроется и пытка, наконец, прекратится.

Сколько времени здесь болтаюсь, даже примерно не получается подсчитать. В темноте, когда боль разрывает тело на кусочки, любая секунда кажется вечностью. И ты теряешь счет минутам, часам.

Но дело не только в боли: чувство нереальности накрыло плотной пеленой. Рефлексы замедлились, словно я и не живой вовсе. Или не совсем живой.

Как в ответ на мысли, кашель, поднявшийся из легких и потряхнувший тело в одном болевом спазме, отчего в голове еще сильнее помутнело, подсказал, что все-таки я даже слишком живой для происходящего.

И все же — сколько я здесь нахожусь?

Вопрос не особо важный, если есть выдержка и дальше

вот так болтаться, как селедка, подвешенная на крюк. У меня ее давно уже нет.

Вдобавок тревожный червячок нагнетает панику: вдруг решили убить и за мной не придут? Пожизненно осужденные — самые бесправные существа на Шенталире. Их превращают в рабов, над ними издеваются, их унижают и, наконец, убивают. Никому за это ничего не будет. И ни одна душа не вступится. Потому что у людей, живущих здесь, нет души.

Нестерпимо хочется пить. Во рту пересохло, и облизать иссушенные губы не вариант. И все-таки провожу сухим языком по растресканным губам. Новый страх кольнул душу. Сколько живет человек без воды? Дней десять? Но это там, на родном Антиларе. А здесь... Дней семь, не больше.

Мысленно хватаюсь то за один, то за другой временной промежуток, в попытке получить точку отсчета. Но ориентиры ускользают как вода сквозь пальцы. Мозг не в состоянии удержать их в накрывшей голову ватной пелене.

Почему никто не идет?

Почему здесь так темно?

Пролейся капля света, и уже тьма не казалась бы такой непобедимой. И я бы смог сориентироваться во времени, хоть немного.

Спустя вечность туман в голове стал тяжелым, непробиваемым, два слова не удержать в памяти. А тело, раздираемое болью, и окружающее пространство слились в один ор-

ганизм.

В памяти всплыли практики мракобесов, при которых происходит вот такое единение со Вселенной. Называют это суперспособностью, а на самом деле явление — просто глюк мозга, который при длительном нахождении в одной позе перестает различать, где заканчивается тело и начинается окружающее пространство.

Это уже слишком. И я осторожно дернул плечами, чуть коснувшись холодной стены. Иллюзия рассыпалась, и снова я сам по себе, а окружающее пространство само по себе.

Еще раз дернулся, и сквозь дыры в футболке кожу царапнули острые языки застывшего раствора, выпирающего из стены. Раскрошившийся кирпич оказался по качеству так себе. А цементный раствор, приклеивающий кирпич к кирпичу, победил в борьбе со временем...

Отвлечься на размышления о пустяках не получилось. Мысли, как их ни отвлекай, возвращались к еще одной проблеме.

Пальцы, несмотря на все попытки ими пошевелить, больше не слушались.

Стоило мне тряхнуть кистью и не почувствовать движения, прилив отчаяния захлестнул с головой.

При всей бредовости, в глубине души еще жила надежда, что когда-нибудь я смогу взять в руки инструмент и извлечь звук.

И я в сотый или тысячный раз пошевелил пальцами и, не

ощутив отклика, застонал от бессилия. Впрочем, потерявши голову, по волосам не плачут, как любила говорить Изабель.

Знал ведь, нельзя перечить Линсеру с Селинтией. Нужно было перетерпеть эту проклятую неделю под названием «Игры», как терпел раньше.

И тогда не оказался бы здесь. В сыром, холодном подвале, подвешенный как селедка на крюк. С риском потерять пальцы, умереть от обезвоживания или лишиться рассудка.

Никогда еще меня не оставляли в таком положении так надолго. Но и я никогда прежде не вел себя вызывающе. В первый раз за пять с половиной лет отказался подчиняться.

Все правильно. Я — осужденный на пожизненное заключение на чертовой планете Шенталир. И заодно непослушный раб, несущий заслуженное, по мнению Линсера, наказание.

Отчаянно шевельнул пальцами. Ничего. Словно их и нет у меня. «Почему словно?» — уцепился за обрывок мысли. Уже нет. Как нет и больше никогда не будет прежней жизни, любимой девушки, музыки.

Пора бы уже забыть про то, что было «до». Особенно про Изабель и музыку. И думать только о том, что происходит сейчас.

Но забыть не получалось. Растревоженные воспоминания раскаленным ножом кромсают на кусочки тело, а глубине сознания звенит злорадный смех Изабель.

Глава 4

Полина

Мы остановились внизу, у самого выхода. Смуглый опять пробежался взглядом по моей внешности: алчно заскользил глазами по губам, шее и замер на уровне груди. Потом сморщился, словно о чем-то вспомнил. Наверное, о моей растерянности от увиденного масштаба разрухи. Похоже, от умственных способностей волонтера в моем лице он не в таком восторге, как от фигуры. Тем лучше для меня. Меньше будет ожидать подвоха.

Проблема лишь в том, что я от своей тормознутости тоже не в восторге. Голова все еще идет кругом. И до сих пор хочется верить, что я попала в дурной сон, который вот-вот разлетится на миллионы осколков, и я проснусь дома в своей спальне, рядом будет похрапывать Эдвин. А впереди будет новый день и новая работа.

Ком подступил к горлу, а глаза наполнились слезами. Я изо всех сил сжала челюсти. Не хватало мне только разревется, как девчонке.

В этом мире слезы — признак слабости. Только раз стоит показать, и шакалы — я держала перед глазами встреченных пару минут назад мужчин — сожрут.

Нужно держаться уверенно. Как будто никакие пираты не нападали на наш гравилет. Словно я специально сюда при-

ехала волонтерить. А про Эдвина пока лучше не думать. Смысл терзать душу? Все равно, пока до галанета не доберусь, помочь ему не смогу.

И ни одной лишней эмоции на лице, кроме тех, которые должны быть. Ни единой нотки срывающегося голоса. Я мысленно повторила легенду, несколько раз произнесенную мне главарем пиратов, захвативших наш гравилет. Я волонтер, приехавшая на планету для оказания помощи. Всю жизнь об этом мечтала. Межгалактический Медицинский университет окончила, только чтобы стать волонтером.

Кажется, последняя фраза выдаст меня с головой. Не может нормальный человек специально окончить университет самого высокого уровня, чтобы поехать в какую-то дыру, где даже нет возможности применить полученные умения.

Ком в горле растаял, слезы отступили, и я, выровняв дыхание, посмотрела на Смуглого. Нужно узнать, как его зовут. А то в суматохе не запомнила. Или он не представился.

— Будут вопросы или проблемы, обращайтесь, — мужчина, наконец, отвел от меня взгляд.

— Вопрос уже есть, — вымучила я из себя деревянную улыбку. — Кому подавать запрос на покупку лекарств и оборудования?

— Все вопросы будем решать через меня. — Он хлопнул себя по карманам. — Чуть не забыл. Вот ключи от вашей служебной квартиры.

Холодные железки звякнули и упали в мою ладонь. Я

изумленно поднесла их к глазам. И вправду металлические, один побольше, с легким налетом ржавчины, другой маленький, блестящий — зубцы не успели окислиться.

Мысли о свинарнике, который ожидал меня в будущем жилье, отразились на лице. Смуглый чуть насмешливо добавил в голос покровительственный тон:

— Все не так плохо, как вы думаете.

«Хорошо, что он не знает, до какой степени все плохо», — мрачно подумала я.

Как позже оказалось, я и сама не знала размер катастрофы, разразившейся над моей головой.

— Вот моя визитка, — в ухоженной руке материализовалась бумажка.

Бумажная визитка? Серьезно? Мне вдруг захотелось вспомнить всех богов Вселенной. Вот только не верю я в них и если вспоминаю, то скорее для красного слова.

Поэтому я молча взяла бумажку и, чуть расшевелив улыбку на губах, еще раз поблагодарила.

— Ожидайте в рабочем кабинете, сейчас вам работников приведут.

Мужчина повернулся ко мне спиной, и я поняла, кого он мне все время напоминал: безжалостного, чуть ленивого хищника.

— Телефона или сетевого адреса нет? — крикнула я вслед быстро удаляющемуся рекрутеру, рассмотрев на бумажке только адрес и номер кабинета.

Мужчина плавно, словно гепард, повернулся.

— Это Шенталир, Полина. Шен-та-лир! Здесь нет сотовой связи, галанета, межгалактической телефонии. Здесь ничего нет!

Что?

Тот самый Шенталир — планета, на которую ссылают самых опасных убийц со всей Галактики? И которая принадлежит пиратам, заключившим договор с Межгалактическим сообществом, что они принимают всех неугодных элементов — и в обмен никто не вмешивается в заведенные на планете порядки?

Пират, отправивший меня сюда, не спас меня от плена. Я продолжаю оставаться его пленницей. Тайной пленницей.

На миг мне вспомнилось, как небрежно Смуглый переломил пополам подписанный мной контракт. Ну конечно, это простая бумажка для отвода глаз. Никто меня отсюда выпускать через год не собирается.

Лучше бы я осталась с мужем и остальными пассажирами. Но тогда мне показалось, если есть возможность улизнуть, так лучше будет для всех. И особенно для Эдвина. Ведь я запомнила лица пиратов и их корабль. Думала, пройдут сутки-двое и я сообщу властям о похитителях. И всех быстро освободят. В Галактике не осталось ни одного сектора, недоступного Межгалактической полиции. Нужно только знать, кого и, желательно, где искать.

Кого искать, я знала. Но толку от этого оказалось ноль це-

лых ноль десятых.

В этот момент мне захотелось превратиться из атеистки не в верующую — такая метаморфоза оказалась бы слишком быстрой, — но хоть в агностика и завопить во весь голос: «Всевышний!» И понадеяться, что меня услышат. Но в моем мировоззрении это невозможно. Никто меня не услышит. Значит, выживать и выбираться отсюда мне придется без посторонней помощи.

А пока самое время притвориться дурочкой-волонтером, которой меня здесь и воспринимают. Пират, подписавший бумаги, с которыми меня принял Смуглый, мог никому не рассказать о своей персональной добыче. Чутье подсказывало, что именно так он и поступил.

Глава 5

Что должен сделать врач, пришедший на новое рабочее место? Оценить степень разрухи и предвидеть возможные неожиданности.

Степень разрухи я уже оценила. Теперь время заняться неожиданностями, чтобы, столкнувшись с ними, не потерять лицо.

Я очередной раз прошла по кабинету и удовлетворенно посмотрела на результат своей работы. Нашла фонендоскоп, протерла его от застарелой грязи, и он оказался даже рабочим. Тонометр нашла и термометр, ртутный: в коробочке с разбитыми собратьями один оказался целым.

Да-да, пары ртути смертельно опасны и сжирают нервную систему быстрее, чем тараканы свою любимую наживку. Утрирую, но не сильно.

В коробочке блестящих шариков ртути не было. Значит, она испарилась. Или термометры в нее переложили уже после того, как расфигачили. Мне кажется более правдоподобным первый вариант.

Раз отравка испарилась, значит, она осела в стенах и прочих предметах интерьера. И теперь медленно отравляет всех в этой комнате.

Хотя скорее всего, по меркам настолько древнего мира никакое это и не отравление. Подумаешь, испарилась ртуть

из десятка термометров. Пустяки. А вот по меркам токсикологии, которую преподавал профессор Полек, даже один разбитый термометр может крепко пошатнуть здоровье.

Недолго думая, я сгребла в охапку добытое непосильным трудом и перенесла в комнату, табличка на которой гласила: «Процедурный кабинет».

Подумаешь, буду вести прием в другом кабинете. При всей разрухе моя передислокация — меньшая из проблем. Тем более, огляделась я, процедурный кабинет почти ничем не отличается от кабинета для приема пациентов. А то, что он соединен с операционной, не мои проблемы. Скальпель в руки не возьму ни за что. Мне первый труп в собственном врачебном кладбище не нужен.

Я еще раз осмотрелась и положила на стол тонометр с фонендоскопом. А термометр спрятала в ящик стола.

Надеюсь, здесь никто градусники не разбивал. Но, как доберусь до аптеки, надо не забыть провести демеркуризацию помещений. Лучше поздно, чем никогда.

Как только я задумалась, чем бы осадить и превратить в соли пары ртути, в дверь негромко постучали.

— Войдите, — машинально пригласила я, не успев удивиться предупредительности гостя. Часом раньше местные не показались мне вежливыми.

Дверь открылась, и в комнату вошел подтянутый смуглый мужчина. Заглушая панику, я попыталась вспомнить развязных парней, встретившихся в коридоре. Вдруг это один из

них?

Память на лица у меня так себе. Вдобавок все, кого я встретила здесь, из-за загара казались мне если не братьями, то близкими родственниками. Понять, языкастый это шалун или его спутник, я так и не смогла.

«Не горит, потом разберусь», — решила я и перевела взгляд на топтавшегося позади него еще одного парня, менее смуглого, но тоже черноволосого. Синие глаза которого смотрелись на контрасте с угольно-черными волосами сверхэкзотично.

Вообще-то ярко-синий цвет глаз исчез из популяции уже больше пятисот лет назад по всей основной галактической группе. Теперь, сколько ни мечтай о синеглазых детях, генетики разводят руками: рецессивный ген в доминантный без серьезного вмешательства в ДНК, ныне запрещенного, не перепрошьешь.

— Чуть нашел вас. Ильвего сказал, что вы будете в другом кабинете, — мужчина махнул рукой в сторону коридора.

«Ильвего... Ах да, Смуглого так зовут, на визитке написано», — вспомнила я быстрее, чем успела нахмуриться.

— Мне здесь больше нравится, — улыбнулась я и сразу поняла, что ни капли не успокоилась, а улыбка, как и раньше, выходит деревянное некуда.

Но я ошибалась. Деревянное куда было, и я это прочувствовала в полной мере после следующей фразы визитера.

— Вот ваш раб и вот на него бумаги, — протянул он

мне одной рукой белый лист, заполненный строчками такого шрифта, словно их набирали на старой печатной машинке.

Другой рукой сделал знак топтавшемуся за его спиной парню, и тот вышел вперед. А потом грохнулся на колени прямо под мои ноги. Я чуть не отскочила от неожиданности, но быстро удержала равновесие и свела губы в улыбке, больше похожей на оскал:

— Спасибо!

— Не за что, — пожал плечами конвоир. — Просмотрите договор, если что непонятно, я расскажу.

И направился к выходу.

— Э-э-э.... Куда вы?

— За следующим. — И он выудил из кармана вещицу, напоминающую бритвенный станок. — Электрошокер. Знаете, как пользоваться?

Я непонимающе замолчала. Тем более штука, которую он держал в руках, никак не могла быть электрошокером.

«В моем мире не могла, — поправила я себя. — А здесь что угодно может быть чем угодно».

Пара шагов — конвоир приблизился к рабу, стоящему на коленях со склоненной головой. Тот старательно делал вид, что изучает трещины в плитке, но в действительности — я была уверена — прислушивался к каждому нашему слову. Он не шелохнулся и даже, как мне показалось, еще сильнее застыл в своей неподвижной позе.

— Нажимаете на кнопку и прикасаетесь к коже, можно

через одежду.

Резкое движение, и конвоир ткнул штучкой в голое предплечье раба. Тот резко дернулся, втянул воздух, но остался стоять в том же положении.

— Вот так, — бросил он мне вещицу. — Это я не сильно приложился. Там три режима. Попробуете, разберетесь.

Поймав летящий на меня электрошокер, я только кивнула в ответ. И понадеялась, что ни мускулом не выдала внутреннюю дрожь, которой окатила меня с головы до ног подступившая мысль про Эдвина. Не тестируют ли и на нем такую штуку? Где же он?

Дверь за конвоиром захлопнулась, а я поспешила спрятать руки за спину. Не хватало только, чтобы раб увидел, как меня трясет.

Глава 6

Дин

Холод подкрался незаметно. Точнее, меня все время, даже когда тело горело огнем, была мелкая дрожь. Но тот холод был другим. А сейчас показалось, что сердце вдруг перестало проталкивать кровь в пережатые цепью кисти и они заоченели.

Можно бы успокоить себя тем, что, не чувствуя пальцев, я не могу определить, есть ли в них тепло. Но зябкость, растекавшаяся ниже линии цепей, не давала возможности поверить в утешающую иллюзию.

Как только начнется отмирание тканей, я покойник. Никто не станет спасать раба. Особенно учитывая, что спасать нечем: видел я возможности местной медицины.

Провел босой ступней по стене около пола и, коснувшись выступающей кромки кирпича, задумался: можно ли, опираясь на нее, ослабить давление на руки?

Жаль, никогда не увлекался скалолазанием. Такой выступ для профи — как полка или плато: уцепиться и держаться, давая облегчение рукам, вполне вариант.

Ну и что, что раньше не пробовал. «Самое время проверить, какой из меня Человек-паук», — вспомнил я героя древних сказок.

Осторожно коснулся левой ступней холодной скользкой

стены и попытался уцепиться за небольшую вмятину, оставшуюся после рассыпавшегося кирпича. Ступня соскользнула, а цепь еще сильнее впилась в запястья, сдирая кожу и сотрясая разрядом боли.

Стон эхом отразился от стен. Мысль о том, чтобы повторить попытку, прошибла лоб испариной, которая, раздражая щекоткой, покатилась вниз.

Однако, набравшись неведомо откуда решимости, я снова уцепился за выступ и перенес вес на ногу. Дернул руками — искры посыпались из глаз, зато железная змея, громыхнув звеньями, чуть ослабила хватку. И снова, не удержавшись, соскользнул вниз, заходясь в судороге.

В голове запульсировало, мысли превратились в тягучее желе, и холодок паники пробежал по коже. Может, и вправду смысла дергаться нет и лучше прекратить, пока не хватил удар?

И тут же сам себе приказал собраться и не быть размазней.

Набрал воздуха побольше и тихонечко, поставив ногу на уже менее скользкий выступ, повторил упражнение. Цепь поддалась еще на несколько миллиметров. Сжав зубы, сдирая остатки кожи, я смог повернуть кисти другой стороной.

Мириады мурашек ринулись вверх, заполняя собой каждую живую клеточку истерзанных рук. Злобно ухмыльнувшись — мой прием работает! — я рухнул вниз.

Теперь дело за малым: сгребая всю волю в кулак, повторять эти движения и надеяться, что не слишком поздно

кровь пошла по пережатым сосудам.

По рукам покатались теплые капли. Пот должен был бы щипать раны, и его капли всегда холодные. «Кровь», — вздохнул я и повторил маневр.

Кашель, и так слишком долго не дававший о себе знать, вырвался из груди, чтобы сжечь тело в адском котле. И темная пропасть небытия поглотила меня.

Темноты больше не было. Света тоже. Оранжевый всплеск обжег изнутри и погас.

Я чуть тряхнул головой и попытался оторвать подбородок от груди. Небритость и в обычной жизни я не любил, а сейчас отросшая щетина царапала ободранную кожу. Бесполезно. Шея затекла и не держала голову.

Дернул ногой. Громко звякнули кандалы, и привычный звон, как крючком, зацепил внимание и не дал вернуться в тишину и покой, в нереальность.

Тряхнул рукой. Теперь я не почувствовал ее всю. Ужас холодной змейкой скользнул вверх по позвоночнику. Я не могу все еще находиться в этом подвале, не могу.

Может, у меня галлюцинации и на самом деле я снова в своей рабской комнате и мне снится кошмар? Не может ведь наказание продолжаться бесконечно долго? Сознание было готово генерировать какие угодно сказки, лишь бы не показывать реальность самой страшной стороной.

А реальность такова, что я продолжаю висеть на крюке.

Пальцы снова онемели, и, если я не хочу их потерять, надо возвращаться к упражнениям по скалолазанию.

Я принялся уговаривать себя хоть один раз попробовать встать на этот чертов уступ, хотя сил продолжать барахтаться не было.

Когда почти договорился с собой и под звон кандалов нащупал искомое место, уловил грохотанье по ту сторону двери. С облегчением соскользнул вниз и принялся ждать.

Прошла вечность, не меньше, и дверь со скрипом отворилась. Темноту разрезала слабая полоска света.

Знакомые шаги. Имя всплывает в памяти медленно. Жером. Никогда не радовался его появлению. Потому что именно ему поручали конвоировать рабов. Но сейчас я был ему почти рад. Да что там привередничать, рад я ему был, как никому другому.

А все потому, что мое наказание закончилось и скоро можно будет немного передохнуть. Напиться воды. Сколько я здесь пробыл без нее? Сутки? Двое? И еще дни Игр приплюсовать. Совсем мрачная картина получается. Неудивительно, что туго соображаю.

Жером подошел вплотную, и в сером свете, льющемся от приоткрытой двери, я увидел, как скривилась его морда. Эстет чертов. Запах ему, видите ли, не нравится. Ожидал, что ромашками пахнуть буду?

Не первый год работает у Линсера, мог бы уже и привык-

нуть. Но нет, каждый раз морщится, как...

Довести до конца мысль не успел. Жером потянулся к крюку, коснулся плеча. Неприятно...

Цепь, доставившая столько боли, с грохотом упала на пол, и я как подкошенный рухнул следом.

— А ну вставай! — заорал Жером, подкрепляя приказ пинком.

Попытался подняться — второй пинок мне сейчас совсем некстати будет: могу отрубиться, и тогда мразь уйдет, оставив меня здесь, — но запутался в кандалах. А тут и мурашки подоспели атаковать затекшие мышцы. Хорошо это. Значит, еще не все потеряно. Но сколько бы Жером ни бесновался, встать прямо сейчас я не смогу.

Жером, бормоча вполголоса ругательства, резко дернул кандалы на ногах, потом на руках. Ух ты, снял? И как только в полутьме увидел, куда ключ вставлять? «Вот что значит мастер своего дела», — горько усмехнулся я.

— Пшел! — рявкнул конвоир. Сегодня он торопится, не издевается, как обычно. Ладно, я что... Я только рад выйти отсюда.

Мурашки прошли, и я, пошатываясь, встал. И даже удержался на ногах, несмотря на завертевшееся с безумной скоростью вокруг меня пространство.

Заплетаясь, как после бутылки сорокоградусной, вышел из своей темницы в коридор, на свет. Свет в долгу не остался и резанул по глазам, привыкшим к полной темноте. Ничего,

я и на ощупь дойду, куда надо.

За спиной звякнули на полу кандалы. Жером с недовольным бормотанием согнулся и подхватил их в руки. В другой ситуации стоило бы почувствовать благодарность: никогда еще эти железяки с меня не снимали просто так, чтобы легче было идти. И все равно бы я потом сам в руках нес этот холодный комок цепей. Но Жером ничего не делает просто так. Да и иду я еле-еле. В любой момент могу свалиться на землю, и пинок, даже самый сильный, вряд ли меня поднимет.

Так что не обо мне заботится конвоир. А как здесь принято — только о себе. Тянуть меня на своем горбу он явно не хочет.

Вроде в настроении незлом. Может, спросить по-человечески?

— Господин Жером, куда мы идем? — хриплю еле слышно и сам удивляюсь: все настолько плохо?

— Скоро увидишь. Пошевеливайся!

Ожидаю очередного пинка, даже вижу замах, но нога останавливается на полете. Все равно на рефлексе дергаюсь в сторону. Стопа цепляется за выступ в плите, и я, не успевая сгруппироваться, падаю на пол.

— Рабское убожество! — с ненавистью выплевывает конвоир. На этот раз его пинок достигает цели, болью разливаясь в боку. — Встал! Пошел!

Только как мне встать, если в глазах темнеет и мир вокруг

вертится как юла?

Где-то далеко на периферии тело пронзает боль. Не такая, как от пинка ботинком. Та самая страшная боль, которой каждый раб боится больше всего на свете. Слышу потрескивание. Запах паленой кожи. Моей.

Вот урод, так и есть: электрошокер достал. Но кажется, даже разряд электричества меня не поднимет.

Ублюдок продолжает вопить, но все слова сливаются в непрерывную какофонию звуков. Вдруг характер боли меняется. Похоже, разряд достает до сердца и заставляет сначала дернуться на месте, а потом просто двинуться вперед. На четвереньках. Ноги меня все еще не держат. Так и нороят даже сейчас подогнуться, а пол перед глазами вращается, как калейдоскоп в руках безумца.

— Можешь ведь! — ругается конвоир, но больше ничего не предпринимает.

Так мы и идем: я ползком, готовый в любой момент свалиться на пол, и мразь конвойная на своих двоих.

Впереди ступеньки. Не поднимусь. Пинок сзади — не болезненный, а унижительный — заливают тело адреналином, и я за какой-то миг взбираюсь по ним, обдирая и без того содранные в кровь ладони.

— Теперь на тропу, к больничному корпусу, — командует Жером.

Меня решили показать врачам? В этой дыре уже несколько лет нет врача. Непонимание сменяется секундой надеж-

ды, которая тонет в догадке. Только не они. Только не волонтеры.

Жером садист. Даже замедлил шаг, и я затылком чувствую, как он сверлит меня взглядом, как похрюкивает от удовольствия, глядя на мое отчаяние. Которое я не в силах спрятать, когда понимаю, куда мы идем и что меня там ждет.

Отчаяние перемешивается с яростью. Представляю, как врежу по этой наглой морде. А затем еще. И еще. Пока лицо не превратится в кровавое месиво. Но это потом, когда-нибудь.

А сейчас медленно продвигаюсь. По рукам все отчетливее стреляет боль. Кажется, она проходит через все живые нервы и разрядом впивается прямо в мозг.

Стараюсь не думать, не вспоминать это место. Но разве такое забудешь?

Мой второй хозяин. Волонтер. Помню себя: идиот идиотом был. Верил в доброе, оставшееся в людях даже здесь.

Спасибо тебе, Пашик. После бесконечного года в твоих владениях я больше ни во что не верю. Медики — самые безжалостные из садистов. Ему доставляло наслаждение вкалывать мне какую-то дрянь, после которой я даже веки закрыть не мог, не то что пошевелиться, — странно, как вообще мог дышать? — и давать волю своим садистским фантазиям...

Давно это было, а как вспоминаю — трести начинает. Почувствовал, как заходили ходуном руки и ноги, и изо всех сил попытался устоять. Но куда там. Плюхнулся брюхом пря-

мо в грязь. Искры из глаз отрезвили, вытащили из темноты. Снова запах паленой кожи. На смену отчаянию пришла волна неадекватного веселья.

— Ты Пашику оставь немного живого места на мне, — просипел я себе под нос, — а то он недоволен будет.

— Шта-а ты сказал? — дернулся Жером ко мне с шоке-ром, но в последний момент заменил его на пинок ботинком.

Все равно искры из глаз.

— Пшел! Быстро!

Глава 7

Полина

Не убирая рук из-за спины, я обошла вокруг свое новое имущество.

Взгляд зацепился за обожженное предплечье. Не сильно, говорит, приложился? А кожа покраснела и распухла. В такой антисанитарии микробы в два счета разгуляются, и лечи, Полина, нагноение.

Я, конечно, утрировала. Но кто знает, какие из лекарств окажутся в моем распоряжении? Может, антибиотиков не будет совсем или... Черт! Вовремя же я вспомнила.

— Когда тебе в последний раз прививку от столбняка делали? — спросила я тоном чуть более резким, чем хотела.

Ну и ладно — все знают, что на Шенталир и связанные с ним планеты приезжают только отрываться по полной. За большие деньги пираты устраивают экскурсии по принципу «все включено». Поэтому стоит не разрушать стереотип о типичной «свободной» — пока свободной, поправила я себя, — и вести себя так, как от меня ожидают.

Набравшись решительности, я подошла вплотную:

— Язык проглотил? Я задала вопрос.

Парня перетрясло, и он еще ниже склонил голову, тихо пробормотав:

— Нет, госпожа.

— И?

— Я вас не понимаю, — с дрожью в голосе произнес раб и еще больше сжался в клубок.

«Этот вряд ли будет переводчиком, — вздохнула я. — Двух слов связать не может. Надеюсь, следующий будет тем, кого обещал Смуглый».

И что теперь с ним делать? Как доносить приказы, чтобы услышал и понял?

Кажется, я разошлась, и раб это почувствовал быстрее, чем сама успела отследить реакцию организма.

— Я сделать все, что вы просить, все-е, — пролепетал раб. — Только не наказывать, пожалуйста.

И всхлипнул жалостливо.

Вот поганец, манипулятор, черт бы его побрал. И без тебя тошно.

Тихо шипя под нос ругательства, я вышла за дверь. Не сбежит. А если сбежит, то мне же лучше. Пусть наемных работников присылают.

Быстро прошла коридор, слетела вниз по лестнице и нашла дверь с незнакомой надписью, которую Смуглый назвал аптекой. Где еще искать вакцину от столбняка, как не в аптеке?

Ну то есть в моем мире в аптеки за вакцинами не ходят, но здесь... В кабинете врача и в процедурном ничего похожего на холодильник или шкаф для лекарств не было — значит, ищем здесь. И я решительно вошла в темное помещение.

Первой нашла заветную фармакопею. Она лежала на полке и сразу же привлекала к себе внимание как размером фолианта, так и слоем пыли на нем.

Все еще хуже, чем я думала. Значит, к нормальным методам лечения, пусть и древним, здесь не прибегают.

Осмотрелась и поняла весь абсурд своего поиска. Пыльная комната, заполненная старинными аптечными склянками с притертыми крышками, не допускала, что здесь можно хоть что-то быстро найти. Тем более вакцину, которую нужно хранить при пониженной температуре.

«Надо будет разобрать этот завал», — сделала я себе мысленную пометку и захлопнула дверь с наружной стороны.

Когда вернулась назад, в комнате меня ожидали трое. Кроме уже знакомого конвоира и застывшего на коленях си-неокого раба, еще один парень, со светлыми волосами чуть выше плеч, сидел на полу, прислонившись к стенке. Его голова свешивалась на грудь, а нестриженные грязные волосы закрывали лицо.

— Сегодня я пациентов не принимаю, — отчеканила я. И выражение лица сделала пожестче.

«Решила быть стервой — будь ею до конца», — сказала сама себе.

— Это не пациент, — запротестовал конвоир и протянул мне еще одну бумажку. — Подпишите. Это еще один ваш раб.

И отвернулся к окну. Наверное, чтобы не видеть мой

оскал вместо улыбки и брови, полезшие вверх от удивления и возмущения таким сюрпризом.

Я еще раз взглянула на блондина. Или шатена. Засаленные, слипшиеся волосы представление об их цвете давали только самое приблизительное.

Неожиданно с губ мужчины сорвался стон и он зашелся в кашле. А тело затряслось от дрожи. «Или судороги», — мрачно уточнила я про себя.

Захотелось отвести глаза, словно я подсмотрела что-то неловкое, но мужчина словно удерживал на себе взгляд.

Аккуратный, я бы даже сказала, красивый профиль на миг мне показался знакомым. Где я могла его видеть? Иллюзия узнавания рассеялась, когда присмотрелась лучше: слишком грязный, с обожженной и ободранной кожей. Светлая щетина дополняла и без того затрапезный вид. Только темные прямые брови вразлет подчеркивали правильные черты и придавали облику выразительность.

Нет, глупости. Нигде я его видеть не могла. Просто мозг в ответ на переутомление и избыток информации выдает вот такие финты. Мне ли этого не знать?

— То есть вот этот полутруп — мой раб? — отвлеклась я, наконец, от рассматривания мужчины и вернулась в свою роль.

Конвоир только кивнул.

— Ну спасибо вам, удружили! А не отправиться ли вам со своим рабом?..

Кажется, такой наглости и тону удивилась не только я — о как могу, когда жизнь заставит, — но и конвоир. На миг он приоткрыл рот, потом взмахнул рукой и после этого произнес:

— Вам переводчик нужен?

— Нужен.

— Других у нас нет. Берите что дают. Из дома самого господина Ольдсена Иленри, — попытался он прорекламировать «товар».

— Какая мне разница, из какого он дома, когда он того и гляди помрет, если не сейчас, то через неделю? — я остановила взгляд на искромсанных руках раба.

Ответом мне была тишина.

Делать нечего. Подошла к подпирающему стену несчастному и попыталась провести хоть какой-то первичный осмотр.

— Подними голову, посмотри на меня, — приказала я опять слишком резко.

Ладно, пусть привыкает: играть в игры «добрая госпожа — злая госпожа» я не намерена. Тем более здесь нельзя быть доброй, это я сегодня уже поняла: растопчут и не оглянутся.

Парень — только теперь я заметила, насколько он молод, — дернулся, с трудом поднял голову и попытался сфокусироваться на моем лице.

Серые его глаза были запавшими, слизистые красными и пересохшими, а губы красно-синими. Дыхание было частым

и тяжелым.

Коснулась лба рукой: горячий, покрытый испариной. Потянулась к кисти, грязной и окровавленной — словно на четвереньках ползал. Пульс наверняка как у еле подогретого покойника.

Вместо рук схватила за скользкие ошметки кожи, через которую проглядывали мышечные волокна. Пожелтевшие. Значит, инфекция.

«Ну что же все так хорошо, а?» — задала я немой вопрос мирозданию.

С губ парня сорвался стон, а я не смогла удержать над собой контроль, и брезгливая гримаса приклеилась к лицу.

Черт! И ведь жалко его, еще как жалко. Но и жалость показывать неосмотрительно. Так что я вернула лицу безразличие. Хорошо бы для соответствия образу еще и маску удовольствия от вида страданий нацепить, но, боюсь, такая актерская игра мне не по зубам.

Я все-таки врач, а не актриса. И я снова взяла кисть раба в руку. Даже пульс нашла. Но секундомера, чтобы подсчитать, не было. Впрочем, он ни к чему. И так слышно: пульс нитевидный. Плохо дело...

Я встала с корточек и осмотрелась.

Интересно, здесь средства индивидуальной защиты есть? Перчатки, например. Поздно спохватилась: ладонь, которой прикоснулась к руке парня, была в крови. Ладно, вернусь домой на Зантир — там все инфекции вылечат моментом.

— Подписывать будете? — конвоиру надоело топтаться на месте. — И на первого тоже, — кивнул он на бумагу, лежащую на столе.

— Другого точно нет? — упрямо переспросила я.

— Точно! У нас здесь вообще ничего нет, а из города вам не дадут. Поверьте.

Верю я, чего уж говорить. Весь вид больницы кричит о том, что из города, что бы это ни значило, сюда ни крошки не долетает.

— Сейчас прочитаю, момент.

Я взяла лист, на котором так и было написано: «Договор на приобретение живого имущества».

— Запрещается убивать, калечить, — холодным тоном перечислила я основные пункты договора. — Иначе что будет?

— Ничего.

— Тогда почему запрещается?

— Откуда я знаю! — конвоир начал злиться.

— Владелец обязуется предоставлять раба для участия в Играх, — озвучила я следующий пункт. И слову удивилась.

С большой буквы. Что-то наподобие наших Олимпийских?

— Что за Игры?

— Сами должны знать, — замялся конвоир.

Меня прошибла догадка.

— Это не после ваших Игр он в таком состоянии? — мах-

нула я рукой в сторону блондина.

— Если подчиняешься правилам, то нет.

— Правилам, значит?

— Подписывайте, наконец!

— Убирайте пункт про Игры, тогда подпишу. Мне работники нужны, а не пациенты.

— Это не в моей компетенции.

— Тогда пусть тот, в чьей это компетенции, Игры вычеркнет. Или предоставит наемных сотрудников, — протянула я мужчине договор.

— Хорошо, я сейчас, — конвоир схватил лист, но далеко уйти не успел, я ему договор и на синеглазого тоже сунула в руки.

— Здесь тоже уберите Игры.

— С остальным согласны? — скривившись, уточнил мужчина.

Я еще раз взяла из рук договоры и внимательно перечитала. Рабы принадлежат мне и только мне. Никто больше не может заявить на них права, пока я сама от них не откажусь. И момент с пикантным душком: использовать их я могу на любые личные нужды без ограничений.

— Да.

Едва я отдала бумаги, конвоир сорвался с места. Я его явно задержала и отвлекла от чего-то важного или приятного, иначе он бы не злился.

Все-таки надо быть в следующий раз с ним предупреди-

тельное. Врагов наживать на ровном месте последнее дело.

Но сейчас меня переполняла злость, и сдержаться в кои-то веки я не смогла. Да и стерву из себя изображать в окружении мерзавцев мне, чего скрывать, понравилось.

Глава 8

Мы с подопечными остались одни, и я неторопливо прошла по кабинету, собирая обрывки мыслей в связный план действий.

Действие первое и самое важное: мне нужен выход в галанет. Или в местный его аналог. В то, что Смуглый сказал про отсутствие связи, — не верю. Быть такого не может. Даже в древние времена в сухой закон пьяницы находили возможность добыть виски. В крайнем случае гнали самогон. Значит, у меня два пути: найти «черный ход» в галанет или проковырять в него «дыру» самостоятельно. Последнее для меня, не технаря, слишком сложно, попробую сначала первый путь.

Действие второе, менее важное, но безотлагательное (вот такое противоречие!): вытащить блондина из могилы, в которой он уже стоит одной ногой.

Я снова принялась рассматривать своего будущего переводчика. Мне показалось или одышка усилилась, а губы еще больше посинели? Отгоняя панику, я повторно пробежалась взглядом по ранам, на которых при первичном осмотре не заострила внимание.

Через изодранную футболку, перекрывая продолговатые рубцы, проступали ожоги, один в один каким конвоир наградил синеглазого раба, когда демонстрировал электрошокер.

Часть футболки промокла от влаги, и ею явно была не вода, а свежая кровь.

Как только вернется конвоир и я подпишу бумаги, надо срочно идти в аптеку и переворачивать все вверх дном, пока не найду антибиотики, антисептики и ингредиенты для питья при обезвоживании. Уж последние должны быть обязательно.

Пункт третий: забрать вещи этих несчастных от прежнего хозяина. Не может быть, чтобы у них ничего не было за душой.

В любом случае про вещи буду узнавать потом. Сейчас нужно думать, где взять лекарства и одежду — я бросила взгляд на босые ноги раба — с обувью для блондина. И обезболивающее. Все-таки у меня не настолько военно-полевые условия, чтобы заниматься всеми этими ранами наживую.

Еще мне нужна вода. Обеззараженная — ага, размечталась — и, желательно, теплая. При сильном обезвоживании это важно.

Бросила взгляд по сторонам. В углу обнаружилось какое-то подобие кухонной мойки. Чего гадать. Я подошла и повернула вентиль.

Вместо воды из крана по ушам вдарил утробный вой, перешедший в дерущий по нервам скрежет, и я поскорее дернула вентиль в обратном направлении, затыкая непрошенный шум.

— Ты знаешь, где набрать воды? Питьевой, — обратилась

я к синеглазому, все так же стоящему на коленях, только вместо трещин в полу созерцавшему блондина.

— Вода? Пить? — снова началась волынка непонимания.

— Да, где ее найти? — я медленно произнесла фразу, почти по слогам и самым спокойным тоном, чтобы уж наверняка понял вопрос и перестал бояться. Нервирует меня своим страхом. Мне тоже страшно, между прочим.

Раба демонстрация добрых намерений ничуть не убедила, и он, сжавшись, уткнулся в пол.

— На улице... колодец, — просипел блондин, настолько невнятно, что я скорее додумала, чем слышала.

Колодец! Знакомое слово. «Предшественник скважин», — вспомнились мне картинки из учебника Древнего мира.

«Чтобы сойти с ума, не хватает самой малости. Например, транспорта на углеводородном топливе вместо обычных графикаров», — вздохнула я и вернулась к актуальному вопросу.

Я прошла в смежную комнату в поисках емкости для воды. Ничего. Вышла в коридор. Где-то же должно быть хоть небольшое ведро. Это ведь больница, пусть и заброшенная.

К моему везению, в бывшем кабинете для приема пациентов нашла подходящую посудину, только слишком пыльная, и я направилась назад к бедолагам, без пяти минут своим.

Перед дверью на миг зависла, перебрасывая ведро из одной руки в другую, а услышав непонятный разговор с ши-

пением в голосе, и вовсе замерла, пытаюсь понять, кто из рабов говорит.

Судя по бодрому с ядом тону — пусть я и не понимаю местный говор, — голубоглазый почувствовал себя альфой. Да ну? Только еще вражды между рабами мне не хватало.

Я резко толкнула дверь и вошла в комнату.

— Что ты сказал ему?

Синеглазый потупил взгляд и, сжавшись, уставился в пол.

— Повтори мне, что ты сказал ему!

Если так пойдет и дальше, к ночи я заработаю нервный срыв.

Мелкое происшествие расстроило неожиданно сильно. Тело окатило жаром, и сердце затряслось в непривычном, оттого пугающем ритме. Проклятый адреналин. За последние сутки я израсходовала его на десять лет вперед.

Впрочем, надо с самого начала все расставить по своим местам, в том числе во взаимоотношениях между рабами, и тогда часть проблем снимется.

Будто в насмешку над этой мыслью глаза выхватили валяющийся на столе предмет.

Надо же, бросила как игрушку и забыла. Куда делась моя внимательность и концентрация? Ругая себя на чем свет стоит, я поскорее схватила оружие самообороны.

«А если бы раб на меня напал?» — попыталась я страхом вернуть себя в тонус и скосила взгляд на брюнета. Но синеглазый затрясся мелкой дрожью, перечеркнув мое намере-

ние испугаться.

«Интересно, притворяется или в самом деле настолько боится?» — подумала я и сразу же отчитала себя за такие мысли.

— Так что ты ему сказал? — спросила уже более миролюбивым тоном.

— Чтобы я не открывал рот, — снова прошептал блондин, делая слишком длинные паузы между словами, — когда меня не спрашивают.

— Отлично, хоть один из вас знает, что на вопрос нужно отвечать.

Снова повисла тишина.

— И еще, — добавила я металла в голос. — Разборок между вами не потерплю. Ясно?

Брюнет совсем сгорбился и пробормотал:

— Да, госпожа, — и склонился ниже некуда.

Блондин ничего не ответил, только чуть приподнял голову, скривил рот, словно его мутит, и снова уронил ее на грудь.

Черт побери, я же пытаюсь казаться такой, как все свободные, сойти за «свою», чтобы выжить, — но отчего мне так тошно?

«Не время для рефлексии», — вздохнула я и, наконец, поставила ведро, которое все еще держала в руках, перед синеглазым.

— Принеси воды. Из колодца. Знаешь, где он?

— Да, — кивнул синеглазый и нерешительно поерзал на месте, не зная, то ли встать самому, то ли ожидать приказа.

— Вставай, — прервала я его мучения.

Повторять не пришлось. Неловко подскочив на ноги, он ухватил ведро и скрылся за дверью. Вот понял же, что от него требуется. А то заладил, моя твоя не понимать...

— Переигрываете...

Свистящий шепот, с которым блондин выдохнул одно-единственное слово, мне совсем не понравился. Тяжелое дыхание теперь, когда мы были совсем одни, слышалось слишком отчетливо.

— А тебе жить надоело?

Что еще я могла ответить?

Мне показалось, блондин хотел усмехнуться, но вместо смеха из его груди раздался целый набор шипящих и булькающих звуков.

Пневмония. Без вариантов.

Глава 9

Не прошло и пяти минут, как скрипнула дверь и в комнату вернулся синеглазый. Поставил ведерко, полное воды, у моих ног и снова опустился на колени.

— Где здесь можно нагреть воду?

Синеглазый никак не отреагировал на вопрос, а блондин снова пробормотал:

— В служебном... жилье... есть электроплитка.

— Бывал здесь раньше?

— Б-бывал, — блондин попытался сдержать дрожь, но его руки и голова отказались подчиняться и заходили ходуном.

Я не стала на него пялиться: необязательно отыгрывать роль стервы на все сто процентов.

— Если принесут документы, то я в служебной квартире, — подхватив ведро с водой, я вышла в коридор.

Нащупала в кармане ключи. Кажется, Смуглый говорил, что мое жилье на одном этаже с кабинетом для приема пациентов. Цифра «4» на брелоке привела меня к нужному помещению.

Гася суетливость, я щелкнула хлипкими замками и вошла в полумрак. Как раз напротив входной двери обнаружилась кухня: небольшая комната с самыми простыми шкафчиками, мойкой, бесполезной без воды в кране, и столом, максимум на четырех человек. А также с чайником и электро-

плиткой.

Пока грелась вода — хвала Всевышнему, электричество никто не отключил! — я прошла по остальной части жилья. Две скромные комнатухи, одна чуть побольше, и санузел. Интересно, как им пользоваться, если нет воды? Наверняка во дворе есть непритязательный аналог.

Когда вода вскипела, я поспешила спуститься на первый этаж, в аптеку.

Захлопнула за собой дверь в пыльное затемненное помещение и открыла ближайший шкафчик. В глаза бросилось столпотворение больших и малых склянок. Взяла в руки ближайшие две из них: разве можно хранить вещества из общего списка вместе с веществами из списка «Б»?

«Только залежей вершков с корешками из местных трав тут не хватает, — бросила я мысленную шпильку в адрес местного здравоохранения. — Хотя может, они как раз и найдутся».

Одно хорошо — надписи на склянках оказались на латыни. Поиск это упростит. Лишь бы еще содержание соответствовало заявленному. В таком бардаке — я резко топнула ногой, пригвоздив к полу выскочившее из-под шкафа насекомое, — ожидать можно чего угодно. Чем бы ни занимался мой предшественник, явно не наведением и поддержанием здесь порядка.

В дополнении к надписям я положила еще один ориентир: сахар и соль не требуют защиты от света. Значит,

ищем емкости из прозрачного стекла. И я принялась перерывать шкафчик за шкафчиком.

Когда я, изрядно утомленная поиском, открыла последний из них, в мою руку легла вожаделенная склянка, чуть большая остальных. Глюкоза. Еще немного возни, и полкой ниже обнаружилась соль.

План минимум выполнен. Еще бы и калия хлорид поискать с натрия гидрокарбонатом — содой, если по-простому, — но не сегодня. И я, захватив с собой добычу, поспешила вернуться в служебку.

За время археологических раскопок вода в чайнике успела остыть, и вопрос с ее охлаждением отпал сам собой.

Пора готовить питье. Я остановила взгляд на склянке с глюкозой. Во рту пересохло, а голова немного кружилась, отчего вся кухня вдруг показалась чуть нереальной. Как в игровой симуляции. Только сейчас я поняла, насколько же я проголодалась и как сильно хочется пить. И прилечь поспать.

«Об отдыхе лучше не мечтать, — одернула я себя. — А вот про питье стоит подумать. Чем я хуже своего пациента?»

Столовые приборы и посуда нашлись на их законном месте, аккуратно запакованные в полиэтиленовый пакет. Надо же, ни грызуны не добрались, ни насекомые. С посудой мой предшественник был явно щепетильнее, чем с лекарствами.

Я торопливо сыпанула в чашку глюкозы и залила ее водой. Один стакан приторно-сладкой воды жажду не утолил, и я повторила. Рябь перед глазами прошла. В голове прояс-

нилось. Засыпав глюкозу прямо в чайник, добавила в него несколько ложек соли. И, прихватив заодно стакан, направилась к пациенту.

«Специалист подобен флюсу, полнота его односторонняя», — древний мыслитель оказался прозорливым на века и тысячелетия вперед.

Еще недавно я с блеском окончила Межгалактический университет по профилю иммунологии, а теперь ощущала себя совсем беспомощной в таком обыденном деле, как уход за пациентом. Опустившись на колени перед привалившимся к стене рабом и пытаюсь влить в него хоть немного воды, я поняла, насколько непростая работа у медсестер и санитарок.

Блондин голову уже не держал, и она безжизненно свешивалась ему на грудь. Сейчас бы инфузомат поставить, но где его взять? Придется действовать по-старинке. И поставила рядом с собой чайник, чтобы лишний раз не вставать.

Осторожно отвела слипшиеся волосы парня за уши, чтобы не попадали в стакан с водой, но проще не стало.

— Давай, подними голову, сделай глоток, — почти как ребенка принялась его уговаривать.

Блондин честно попытался — я видела, как напрягаются шейные мышцы, как подрагивают ресницы на полузакрытых веках, — но голова все равно клонилась вниз.

— Помоги мне, поддержи голову, — позвала я второго раба

на помощь.

Но блондин синеглазого опередил. Чуть приоткрыв глаза, с невыразимой гримасой на лице он сам немного приподнял голову и, не без моей помощи, удержал ее на весу.

Совсем другое дело!

Поднесла стакан ко рту и, постукивая стеклом о зубы, все-таки влила в него часть воды. А часть пролилась на ошметки, оставшиеся от когда-то черной футболки.

«Надо срочно одежду новую купить», — снова мелькнула мысль. Вот только где и за что?

Через пару заходов блондин отвел голову от стакана, который я снова успела наполнить. Мне показалось, бодрится он. Вон как жадно пил, и последние капли с губ слизал не менее порывисто. Впрочем, трех стаканов, пусть и частично разлитых, для первого раза хватит.

— По стакану в час или чаще. Чайник за сегодня надо опустошить, — решила я огласить инструкции, одновременно вглядываясь в глаза пациента. Менее впалыми они не стали, хотя общий настрой парня изменился, только не факт, что в лучшую сторону.

Озадачиться я этим не успела: дверь опять скрипнула. Размашистые шаги конвоира громыхнули и затихли неподалеку от меня.

— Вот ваши документы, — протянул он бумаги в мою сторону.

Я вскочила на ноги и лишь теперь заметила, что вода про-

лилась не только на футболку блондина, но и мне на брюки. И даже в рукава попала. Ткань моментально превратилась нечто в холодное и липкое, противно обтягивающее тело.

«И себе одежду добыть», — сделала я очередную пометку в план ближайших действий. Но чуть позже. А сейчас я взяла бумаги из рук конвоира — надо же, никаких тебе проводочек и отговорок про « типовые договоры », — пробежалась взглядом по тексту и, удовлетворенно кивнув, поставила ту же подпись, которую придумала для рабочего контракта.

— Кандалы я в углу оставил, лучше наденьте, — протянул он мне маленький, словно игрушечный, ключик.

— Немного позже, — кивнула я.

— Вы не жалейте его, — бросил мужчина непрошенный совет. — Убийца он. На пожизненном здесь.

— Если так и дальше пойдет, пожизненное скоро у него истечет, — пробормотала я вполголоса.

— Все преступники должны быть закованы в кандалы. Иначе могут изъять, — добавил он, будто не услышав меня.

— Будут кандалы, — тряхнула я головой, — когда раны затянутся.

Конвоир лишь пожал плечами и скрылся за дверью. Чтобы через секунду вернуться.

— Знаете что, можете жаловаться! — командным тоном гаркнул он и подошел к кандалам, валявшимся в углу под мойкой.

Пока я перебирала варианты, как положено в таких слу-

чаях реагировать, он решительно схватил цепь, подскочил к подпирающему стену рабу и рывком поднял окровавленную руку. Не обращая внимания на стон, сорвавшийся с губ блондина, защелкнул наручник и быстро повторил манипуляции с другой рукой. А потом и с ногами.

— Готово! — довольный выполненной работой, он бросил откровенно брезгливый взгляд на раба. — А то сбежит, а виноват я буду. Не показал, не обучил... Бывайте!

И дверь за ним захлопнулась.

— Экий он, — хмыкнула я, подбирая подходящее слово, — обязательный.

В ответ — молчание и недобрые взгляды двух пар глаз.

Глава 10

Дин

Ха! Не ожидал, Гарик, тебя здесь встретить.

Чувствую, как уголки губ выдают мое ехидство, пока я вглядываюсь в ярко-синие радужки своего напарника по несчастью.

Надеялся, что старик Ольдсен волонтерам не отдаст? Думал, раз ты не убийца и даже не преступник — просто раб, получивший свой статус по наследству от родителей, — это защитит тебя от вот этого всего?

В ответ на меня зыркают суровые синюющие глаза. В них плещется растерянность, замаскированная под злобу, и страх.

Доля секунды, и лицо напротив презрительно морщится.

«Не нравится мое общество? Кто бы сомневался», — снова усмехаюсь про себя и жалею, что темнота все настойчивее затягивает меня в свое нутро. Иначе не удержался бы, потроллил самого правильного раба в этом забытом всеми поселении.

Смотрю прямо в черные зрачки, утопающие в синем шторме, пока Гэри не отводит взгляд и не утыкается в пол.

Пора повзрослеть тебе, Гарик, и понять: мироздание, оно не по справедливости тумачи раздает. Будь ты хоть сотню раз паинькой и безупречным рабом — нет гарантий, что не

окажешься здесь. Я бросил взгляд на комнату, в которую меня приволок Жером.

Холодная, тусклая, с нелепым изображением моря, острова и пальмы на стене. Ничего не изменилось. Даже трещина в плитке на полу, которую я собственноручно расколол, на месте. Чуть почернела только.

Стена напротив пошатнулась. Рисунок смазался и завертелся в удушающем зелено-синем калейдоскопе. Удивительно, откуда в подвале брались силы бороться с цепью?

Голова — словно в нее засыпали груды камней... Тяжеленная... никак не удержать на весу. И взрывается от каждого шороха. Гэри, как специально, ерзает на месте, не унимаясь. И Жером нетерпеливо переминается с ноги на ногу, грохочет подошвой о пол. Ну да, спешит он, задерживаем мы его.

Тишину бы... Закрываю глаза, пытаюсь абстрагироваться. На короткое время даже получается, пока не хлопает дверь. Незнакомые шаги заставляют вздрогнуть и сильнее вжаться в стену.

Пытаюсь угадать, кого принесло. Шаги не похожи на мужские: они были бы тяжелее, грубее. Здесь же слышится легкость.

Неужели не Пашик? Грозился вернуться и пропал?

Чувствую, как срывается ритм сердца, и, все же чуть приподняв голову, фокусируюсь на размытом темном пятне, которым сейчас выглядит вошедший.

До слуха долетают голоса, и в поле зрения проступает фи-

гура, явно женская.

Странно она принимает нового раба. Обычно в полный рост встать требуют. Ну да, сейчас не прокатит. Хотя Жером и мертвого поднимет, если надо. А эта бумагами трясет. Что-то ей в них не нравится. Пытаюсь прислушаться, но шум в ушах и кружащийся мир не позволяют уловить, о чем спор.

Незнакомка повысила голос, а мерзавец Жером, наоборот, стушевался, оправдывается. Не рада собственности, которая на ногах не стоит, надо же.

Темнота. Прихожу в себя, когда лба касается рука. Берет мою кисть, сквозь свои волосы вижу сведенные вместе брови. Хмурится. Недовольна.

Я тоже не сказать, чтобы рад, но просто молча закрываю глаза.

Реальность опять плывет, мысли путаются. Что-то мне совсем нехорошо. Еще и тошнота накатывает, сжимая желудок в узел. Хорошо, что рвать нечем. Наблюй я на пол, разозлится как сто чертей, тут без вариантов.

Кажется, до Гарика, наконец, в полной мере дошло, куда он попал, и его еще сильнее трясет от страха. Оттого, по растерянному лицу вижу, он не понимает, что ему говорят.

Я не отказался бы от воды, но предпочитаю благоразумно молчать. И лишь когда новая хозяйка сама, обращаясь к Гэри, заводит про нее речь, помогаю подсказкой. Вмешиваться не собирался, раздражает меня напарник по неудаче. Но смотреть, как обрушится гнев так называемой госпожи на

еще не доросшего до таких потрясений Гарика, не смогу.

Может, и в самом деле принесет воды?

Мне не кажется? Вода?.. Теплая. Стекает с подбородка, проливается на грудь... Что-то с ней не то... Но жалко терять даже каплю. Неважно, что за гадость мне скармливают, — все равно с жадностью выпиваю все, что подносит ко рту хозяйка.

После очередного стакана темнота отступает, а вата в голове превращается в легкий туман. Теперь взгляд удастся сфокусировать, держать голову ровно становится легче.

Перевожу взгляд на волонтерку, и ком подкатывает к горлу. Который уже раз? Неважно. Просто не могу отвести глаз от плавных линий фигуры, длинных темных волос, высокого лба и аккуратного носа и подбородка. А глаза, светлые, с легкой небесной синевой, я уже раньше рассмотрел.

В другом месте и в другое время я бы мог позвать ее на свидание. Будь она не той, кто ездит «волонтерить» подальше от контроля полиции.

«И она бы пошла», — усмехаюсь себе тому, прежнему.

Но здесь не я — она заказывает банкет и зовет на свидание, которое известно чем закончится. И не пойти не могу. На то у нее и документы есть.

Ком в горле разрастается. Сколько раз я был свидетелем, как милая девушка или нормальный с виду парень превращались в монстров, оставаясь один на один с бесправным рабом? Маска приличия слетала моментально. Не вспомнить

всех даже. Хотя нет, вспомнить не проблема, но надо ли?

Отворачиваюсь. Больше пить, как и рассматривать новую искательницу приключений, не хочется.

В ответ получаю резкие рывки за истерзанные руки. Ба! Жером явился не запылится и напомнил о себе, урод. Держусь изо всех сил, но все равно, как со стороны, слышу стон и понимаю: мой.

Но волонтерка почему-то не злится. Нервничает, психует, но вроде как не на нас. В глубине души поднимается волна любопытства.

Хотя какое там — она просто переигрывает. Подумаешь, не кричит, не хватается за шокер. Добренькую изображает, не как все. Не приезжают сюда гуманисты, тем более волонтерами.

Глава 11

Полина

Я бросила взгляд на блондина. Выглядел он лучше, чем полчаса назад: кожа чуть порозовела и глаза стали живее. Казалось бы, пара стаканов воды — мелочь, но не при обезвоживании.

При этом он все еще нет-нет, да продолжал поглядывать на чайник. Ну вот, я опять забыла про ограниченные возможности пациента. Инструкцию выдала, но не подумала, как он с чайником будет справляться. Надо снова подойти и помочь.

Мой взгляд остановился на кандалах, опутавших его руки и ноги.

«Но я здесь госпожа, церемонии мне не по чину. Тем более с убийцей», — здравый смысл не собирался сдавать позиции сочувствию.

От меня сейчас требуется продолжать командовать. Кстати, самое время узнать, как их зовут. И я взяла со стола подписанные договоры.

Одного звали Гэри, второй был Дином. «Так, рост у Гэри метр семьдесят, глаза синие, волосы черные. А Дин у нас под метр восемьдесят, волосы светлые, глаза серые. Понятно, кто из них кто. Остальные параметры мне не нужны», — отложила я бумаги в сторону.

— Гэри, — обратилась я синеглазому, все еще стоявшему на коленях, — возьми воду, которая в чайнике, и помоги напиться Дину.

Синие глаза с непониманием уставились на меня.

— Что я непонятного сказала?

— Я мочь вставать? — нерешительно уточнил раб.

А я чуть не выдала удивленную гримасу: он стоял бы на коленях хоть сутки, не разреши я встать? Ну и дела.

— Конечно, — ответила, сдерживаясь, чтобы не предложить выполнить мой приказ ползком на коленях. Сарказм не распознает — решит, что я придумала тупое издевательство над бедным рабом.

Гэри встал, неторопливо взял чайник и стакан, приблизился к Дину. Мне казалось, я кожей почувствовала колкий взгляд блондина, которым тот окинул Гэри и меня заодно.

Настороже надо быть, особенно первое время, пока не войдет в привычку. Напасть могут как нечего делать. У блондина вид совсем отшибленный, словно ему ни своей жизни, ни тем более жизни госпожи не жаль.

Впрочем, чего еще от такого ожидать. Спасибо конвоиру, что предупредил и что отдал электрошокер. Я машинально коснулась рукой кармана.

Сколько стаканов выпил Дин, я не считала. Опомнилась, лишь когда Гэри сказал, что чайник пуст. Снова обвела взглядом обе застывшие фигуры.

На туберкулез хорошо бы проверить, — в глаза бросался

недостаток веса по отношению к росту. Но вот только как? «Даже рентгеном здесь не просветить», — вспомнила я древний метод выявления болезни. Такой себе метод по точности, если честно.

На цивилизованных планетах палочку Коха давно изжили и изможденных больных можно увидеть разве что в учебниках истории медицинской науки. Но профессора всегда делали ремарку о коварности заболевания и о том, что в Галактике обязательно найдется планета, где болезнь так и не смогли победить.

«Кажется, я знаю, как эта планета называется», — вздохнула я и всмотрелась в лица своих невольников.

Придется следить за симптомами. Начнут потеть, особенно по ночам, температурить под сорок, одышка, розовинка лица добавится — повод насторожиться. Вообще-то сейчас часть симптомов у блондина уже присутствует, но и пневмонию никто не отменял.

Сложности дифференциальной диагностики в условиях отсутствия оборудования и, чего скрывать, клинического опыта заиграли новыми красками.

Ладно, хватит о грустном. И я снова уставилась на оживающего на глазах пациента.

— Неважно тебе у предыдущих хозяев жилось, — обратилась я к блондину, чтобы как-то нарушить неловкую тишину и вывести его на разговор.

— Не жалуюсь, — процедил он в ответ и замолчал.

Вот и поговорили, называется.

Логично, смысл жаловаться. Только во вред пойдет. Особенно, если я со старыми хозяевами подружусь. Но бровь в ответ скептически подняла.

Кстати, надо сблизиться с местным бомондом. Врач — профессия уважаемая, всем нужная. Проблем возникнуть не должно. И вернулась к мыслям о своих несчастных.

— А ты? — обратилась я к Гэри.

— Я? — и на колени хлопнулся.

— Тоже не жалуешься?

Гэри прочитал на моем лице что-то свое и опустил голову, снова уставившись в истертую плитку.

— Опять от пола оторваться не можешь? Офигеть какой пол?

Ну как обойтись без сарказма, наблюдая этот цирк?

— Что? — не понял раб.

— Встань, — вздохнула я.

Он нерешительно поднялся — и снова эти растерянные синие глаза, смотрящие мне прямо в душу.

— Ты тоже попробуй встать, — обратилась я к Дину.

На успех я не рассчитывала, но прикинуть динамику состояния на глаз хотелось.

— А ты рядом постой, подстрахуй, если падать начет, — приказала я Гэри, избегая прямого взгляда.

К моему удивлению, пошатываясь и держась за стенку, блондин встал и смог удержаться в таком положении.

— Важное объявление, — сделав максимально жесткое выражение лица, сообщила я. — Чтобы вот этого стояния на коленях больше я не видела!

— Но пачиму? — вырвался вздох у Гэри. — Так принято.

— Здесь больница, персонал должен быть в чистой одежде. Штаны стирать каждый раз после вытирания пола будешь?

— Но...

— Это приказ, — решила я не тратить время.

Тем более дел было еще вагон и маленькая тележка.

— Пройдись немного, — обратилась я к блондину.

Тот сделал пару шагов, потом еще несколько. Было видно, что стоит он нетвердо, шатает его. Но не настолько, чтобы упасть. И то хорошо.

Я еще раз взглянула на его лицо. Черноты под глазами нет, просто впалые глазницы. Значит, сотрясения точно нет. Еще одна хорошая новость.

Не опухший, голова не разбита. Вон сколько хороших новостей! Главное — знать, где их искать. А то нарисовала себе ужастик с судорогами и туберкулезом во главе угла.

Я уже собиралась отвести взгляд, но интуиция снова зазвенела тревожными звоночками. Я точно раньше видела этого парня. Высокий, на голову выше меня. Глаза... серые с темной окантовкой, нос аристократический. И лоб большой, открытый. Подбородок с небольшим намеком на ямку. Фигура красивая, гармоничная. Любая одежда на такой сидит

отменно.

И вот чего ему не хватало в жизни, что он пошел на самое страшное преступление в нашей Галактике?

Не понимаю.

А когда я не понимаю, начинаю нервничать. Лучше прояснить непонятки сразу.

— Мы могли раньше пересекаться? Например, на Зантире? — произнесла я название своей родной планеты.

— Не думаю, — столько неприязни в голосе мне еще не доводилось слышать.

Точно не пересекались. Хотя и голос совсем уж незнакомым не назову. Но такое выразительное презрение и высокомерие я бы запомнила.

«Нет так нет, не самый актуальный вопрос», — решила я и перешла к злободневным темам, не обращая внимания на застывшую фигуру Гэри. Какой-то он совсем нервный. В отличие от Дина.

— С паданием в ноги разобралось. Следующий момент. Я в служебке ведро с водой оставила. Принеси, — потянулась я за ключами и только потом вспомнила, что не заперла свое временное жилище.

— Я найти, — осмелел Гэри.

— Хорошо, — кивнула я, и раб скрылся за дверью.

Мы остались с Дином наедине. Я инстинктивно сжала в кармане электрошокер, что не осталось незамеченным для блондина, и тот демонстративно поднял уголки губ в ухмыл-

ке.

Дежавю не уходило, и, чтобы отвлечься, я подняла следующий важный вопрос.

— Что касается еды. Мне еще предстоит разобраться, как здесь все устроено и оплачивает ли Шенталир проживание волонтерам...

Незаметно для себя я приблизилась к блондину почти вплотную. Он что, магнит проглотил?..

— Так спешили с нами порезвиться... простите, поволонтерить, — блондин изогнул губы в едкой полугримасе, — что даже не узнали насчет денег?

Пришла я в себя от непривычно громко ударившего по ушам звона — эха пощечины, которую не успела сдержать. Голова блондина дернулась, сам он пошатнулся, но на ногах устоял. А на бледной щеке разлилось розовое пятно.

Вернувшийся Гэри застыл у двери и явно не собирался без моего приказа смягчать удар, грохнулся блондин на пол. Повезло мне, что не упал: хоть сотрясение не лечить.

На будущее сделала я себе пометку: руки не распускать. Даже если рефлекс готов сработать без участия мозгов.

Глава 12

— Я ненадолго, никуда не уходите, — спрятав полыхающую жаром ладонь в карман, я направилась к выходу.

— А это... мне куда? — Гэри покосился на ведро с водой, которое все еще держал в руках.

— Поставь около стены, — я посмотрела налево, — чтобы случайно никто не зацепил. Как вернусь, — бросила я в сторону Дина, — займемся тобой. Вода пригодится.

Кажется, того передернуло. Ну да, я бы на его месте тоже нервничала: раны непростые, плюс пневмония вишенкой на торте.

Гэри опустил ведро, бесшумно прошел в дальний угол и снова устроился на полу. Потом еще беседу проведу. А пока надо срочно распотрошить один шкаф в аптеке, в котором я заметила заводские упаковки с лекарствами. И по вертушкам пробежаться: самые ходовые порошки хранят как раз на них.

И я вышла в коридор, а до слуха долетел насмешливый тон Дина:

— Ужина сегодня не будет...

Он троллит Гэри? И кажется, меня тоже. Захотелось вернуться и... И что я скажу? Действительно, я без понятия, где добывать ужин. Но еще даже обед не наступил. Есть время подумать.

Аптека, так обескуражившая в предыдущие посещения, сейчас никаких негативных эмоций не вызвала. Мозги устали пугаться и перешли в режим запоминания, где что лежит, чтобы не зависать надолго в поисках нужного.

Но до чего же быстро привыкаешь к плохому. Того гляди через неделю буду считать нормой — я стряхнула пыль с круглых черных чаш и открыла пластмассовую коробку с разновесом — отсутствие нормальных весов и ржавые гири.

«Могло и таких не быть», — рассудила я и отложила весы с разновесом в попавшуюся под руку коробку. Вскоре туда добавились бинты и вата в шуршащей упаковке, анестетик, антибиотик местного фармпроизводства, марганцовка, сода.

Я устала насклянку из темного стекла с этикеткой, обещавшей фурацилин. Открыла. Так и есть: знакомый ярко-желтый порошок... Нет, фурацилин — это перебор. На Зантире его даже из ветеринарной практики убрали, а тут человек.

Еще раз прошлась между пылящими шкафами и растрескавшимися вертушками. Что это? Взгляд остановился на небольшой склянке с пышным розовым цветком на этикетке. Возьмем в качестве спирта.

Еще раз крутанула вертушку. Белый порошок? Интересно... Streptocidum^{*}. Мое! Для наружного применения сойдет даже просроченный.

Дальше что у меня на очереди?

Подошла к фармакопее и стряхнула с нее пыль. Открыла с замершим сердцем, которое радостно затрепыхалось в груди от вида знакомых букв и слов. И снова хорошая новость: фармакопея написана на межгалактическом языке.

Я водрузила на талмуд заполненную добычей коробку и направилась к своим невольникам, попутно успокаивая себя наставлениями профессора Полека, что за одну ночь можно выучить китайскую, японскую и турецкую грамоты.

Вот и я смогу справиться со всей этой древней фармакологией и врачеванием. Тем более что времени у меня больше, чем одна ночь.

Рокот голосов я услышала, едва поднялась на второй этаж. В тишине, какая бывает только внутри заброшек, отдельные выкрики резонировали неестественно громко, отчего поутихший страх ожил и холодной змейкой скользнул к позвоночнику.

Прислушиваясь на ходу — не Дин ли? — поспешила на звук. Возгласы становились все громче. Визг скребанул по нервам.

«Кушетку сдвинули в сторону», — догадалась я.

Топот ног и негромкий удар. Перепалка набирала оборот.

Рабы перешли в рукопашную? У Дина нет на нее сил. У Гэри смелости.

Ушат воды охладил бы медленнее, чем осознание: посторонние снова здесь.

Я замедлила шаг, перебирая варианты действий.

Сначала освободить руки. И я поставила ногу в ближайший дверной проем.

Что у меня с шокером? Коснулась шершавого пластика, и сердце перестало заходиться в сумасшедшей пляске.

«Готова?» — спросила сама себя и тут же покачала головой. Не тот университет я закончила, чтобы всегда быть готовой к потасовке.

Точное место, куда занесло посторонних, на слух не определялось. Но этого и не требовалось. Я была уверена: они в процедурном кабинете, где я оставила Дина и Гэри.

Я приблизилась к знакомой двери — не ошиблась. И злость, с которой говоривший сотрясал воздух, простого обмена любезностями, войди я в помещение, не обещала.

Во рту пересохло, сердце шмякнулось о ребра особенно сильно.

Вдруг захотелось смалодушничать, отступить на несколько шагов назад и вернуться в аптеку. Переждать там, пока незнакомцы не уйдут. Тем более пришли они не ко мне.

«Разговорчивые» Дин с Гэри вряд ли без прямых вопросов сообщат о незваных гостях. Кстати, сколько их? По голосам выходило не меньше двух.

Облизнула сухие губы и сделала шаг назад.

Вот тут-то и проснулась совесть вместе со здравым смыслом, оттесняя страх подальше. Сбегу сейчас — усугублю проблему. Которую надо решить, чтобы больше никаких

сюрпризов. А то что-то мои предшественники-волонтеры уважением не пользовались, судя по тону Смуглого. Не говоря уже о тоне Дина...

Засунула ладонь в карман. Электрошокер, почти как живой, скользнул в руку, и я рывком открыла дверь.

Чужие голоса ударили по ушам, к ним добавился лязг цепей. Три незнакомца столпились вокруг Дина, стоящего на коленях. Один, самый тощий из троих, держал его за волосы, намотанные на кулак.

Двое других держались справа от него и радостно покрикивали. Жаль, на местном языке.

Кому и чем не угодил мой раб — хотелось бы знать.

Мое появление в общем гомоне прошло незамеченным. Пока я оценивала происходящее, тощий размахнулся и чуть не впечатал голову Дина в стену.

«Такую ж! Сотрясения не было... Сейчас будет!» — я остервенело заскрежетала зубами.

Спохватилась и поискала глазами Гэри. Он оказался на прежнем месте: в углу на коленях.

Медлить больше нельзя. Расстановка сил не в мою пользу, но вариантов все равно нет: кто здесь хозяин, решается прямо сейчас.

Слившись с пластиком в кармане, я вышла на середину комнаты.

— Что здесь происходит? — задала я самый идиотский вопрос из возможных.

Тощий выпустил волосы раба и, развернувшись в мою сторону, ухмыльнулся:

— Детка, подожди за дверью. У нас тут приватный разговор.

До боли знакомые повадки — спасибо практике по наркологии в реабилитационном центре. Этот гаденыш услышит только полемические приемы тамошнего контингента, и я нацепила на лицо предельно зверское выражение.

— Мамочку свою деткой называй, — я уверенно шагнула навстречу. — С тобой разговаривает доктор Полина Мелихова. Главный и единственный врач этой больницы и вашего поселения.

«Я не переборщила с грубостью и отвязностью в тоне?» — уколола мысль и сразу растворилась в нечитаемом взгляде противника. Наоборот, недобрала.

— А я Линсер, детка, — и тоже двинулся ко мне. — Ты нас прервала.

Значит, он из троицы главный.

— Линсер, ты напал на мою собственность, — решаю дальше не церемониться. — Если сию минуту ты не уйдешь, я подам заявление в полицию.

Линсер скривил рожу, мне показалось, чтобы не расхохотаться. А потом все-таки взорвался от смеха. Два приятеля поспешили присоединиться к веселью.

— Ну... что ты, детка... то есть Полина, — отсмеявшись, Линсер приблизился еще на шаг, и меня накрыло мерзким

запахом пота. — Не кипятись, это же наш Динни. Я ему приветик от Селинтии передавал, правда? — обернулся он к измученно опиравшемуся на стену Дину. — И вообще у нас здесь свои порядки, если ты не заметила.

— Этих еще воспитывать надо, — поддакнул ему один из дружков, — кто тут первый день тусуется.

Ко мне он не повернулся: я видела только широкую спину культуриста с мышечным рельефом под облегающей футболкой. Даже мода на гармоничное телосложение сюда не добралась. Хоть бы на месте мозгов у него были не мышцы.

— Вот видишь, — в глазах промелькнула ярость и растворилась в карей радужке. — В чужой монастырь со своим уставом, как говорила моя прапрапрабабка, не ходят.

— У меня контракт. И договор на рабов, — стараюсь говорить спокойно и уверенно, но внутренняя дрожь отражается в голосе. — Абсолютное право собственности.

— Да ну? — издевается Линсер и демонстративно бросает похотливые взгляды на мою шею и грудь. — Уверен, что привет от Селинтии я могу передавать так часто, как захочу.

— Не в мою смену, дружок, — повторяю, чеканя каждое слово, и, напустив в голос арктический холод, смотрю прямо в зрачки мерзавца.

Пытаюсь вспомнить, не его ли рожу, поигрывающую языком, я видела утром в коридоре. Безуспешно.

Сдерживать гримасу отвращения становится все сложнее. А нужно ли стараться?

Взгляд мужчины елозит по груди и медленно спускается ниже, выворачивая наизнаку душу.

«Это всего лишь взгляд», — напоминаю я себе, но кожа под одеждой горит, как ободранная наждачкой.

— Какая ты суровая, мне нравятся властные девы. Да еще с такими формами, — щелкает он языком, с вождением заново ощупывая мою фигуру, к счастью, только глазами. — Мы что, из-за раба воевать будем?

— Будем, — обещаю я. — Моих рабов больше трогать нельзя. Точка.

Линсер делает еще один шаг ко мне, приблизившись вплотную, и приоткрывает рот. Я перестаю видеть что-либо вокруг. Только знакомый пирсинг в красной мякоти языка. Время замедляется, и слова долетают с опозданием:

— Т-ты такая аппетитная, когда зли-ишься. Давай познакомимся поближе, — мерзавец не собирается униматься, — например, сегодня в клубе «Ветреная...»

— Хватит! — одним кошачьим движением я выдергиваю руку из кармана и выбрасываю ее вперед, утыкаясь в майку, чуть ниже области сердца. И вдавливаю кнопку до упора.

Приглашение обрывается на полуслове. Не ожидал, урод, да? Дружки тоже не ожидали и замерли с каменными лицами, отмечаю я боковым зрением. И только потом вопль сотрясает стены процедурного кабинета, а Линсер, грохнувшись на пол, откатывается угол. Но резво подскакивает на ноги и шипит:

— Ты что творишь, идиотка?

— За домогательства к свободной есть хорошая статья, — я поворачиваюсь к друзьям мерзавца, поигрывая гаджетом.
— Кого еще не обучили манерам?

— С-с... — выдавливает в ответ Линсер, но благоразумно обходит меня за метр. — Ты кого защищаешь? Убийцу!

— Сейчас он моя собственность.

Интересно, на что похожа моя улыбка? Надеюсь, не на оскал.

— Еще раз увижу, как ты руки распускаешь...

Договорить не успеваю, мразь прерывает меня на полуслове:

— Твоя собственность невесте своей горло перерезала. Беременной, — и машет друзьям рукой в сторону двери.

Те, как оказалось, только и ждали команды. Вальяжно — я тут мимо проходил — направляются к выходу. Линсер не медля присоединяется к ним, и вся троица скрывается в коридоре, хряснув напоследок дверью так, что сверху посыпалась пыль.

— Надо же, как хорошо работает, — произношу я, чтобы разрядить обстановку и получить пару дополнительных секунд передышки, пока не приду в себя.

Мой голос звучит неестественно бодро, и Гэри только сильнее сжимается в клубок. Реакцию Дина не вижу, но чувствую слева от себя частое тяжелое дыхание и легкое позвякивание цепей.

— Как здесь его заряжают? — спрашиваю, а в голове все еще звучат отголоски последних слов Линсера.

Вопрос повисает в воздухе. Только позвякивание металла о металл нарушает иллюзию нахождения в вакууме.

Горло словно сжимает стальной ошейник, воздуха не хватает, и я опять чувствую, как руки начинают подрагивать. Я зло встряхиваю головой, чтобы скинуть наваждение.

— У всех дар речи пропал? — понимаю, у парней стресс, но у меня тоже стресс, черт его побери.

Гэри, скрутившийся в углу, первым подает голос:

— Розетка нужен и зарядка специальный.

— Где они? — выдыхаю я, пытаюсь заглушить звенящее в памяти эхо.

— Зарядка в магазине, но, может, прежний волонтер в служебке оставил. Розетка любая подойдет, — голос Дина звучит хрипло и потерянно, куда только спесь подевалась.

Киваю. Благодарить раба не принято. Я и так уже веду себя слишком странно по местным меркам.

— Сходи поищи, — говорю в пустоту и подношу шокер к глазам, рассматриваю нарочито внимательно, лишь бы не смотреть в сторону Дина.

Дважды повторять не пришлось, Гэри срывается с места и исчезает в коридоре. Рад скрыться с моих глаз — как его за это винить?

После тихого скрипа закрываемой двери возвращается оглушающая тишина, которую разрывает уже привычный от-

четливый звон кандалов.

Дин набирает воздух, и я, стоя к нему спиной, осознаю, что больше всего на свете хочу услышать: «Это неправда». Но вместо самооправдания звучит совсем другое:

— Зря вы с сыном местного богатея из-за меня разругались. Мстительный он.

Так и представляю, как блондин сейчас кривит губы в гримасе.

— Если ты заметил, это чадо получило ответку не из-за тебя, — произношу я, но голос дрожит, и мы оба понимаем, что я вру.

Решаюсь повернуться лицом к блондину. Моя собственность сидит на полу на коленях. Руки ходят ходуном от дрожи. Волосы всклокочены, на скуле слева наливается пурпуром отметина от кулака. Фонарь знатный завтра будет.

Губы раба снова слились в одну нить, подрагивают. И челюсти сдавлены до белых пятен на лице. Слежу за взглядом мутных серых глаз и ловлю себя на том, что все еще с силой сжимаю в руке электрошокер.

Прячу спасительный гаджет в карман, но блондин в лице не меняется.

Кажется, не электрошокер в моей руке его пугал. Тогда в чем дело?

* Стрептоцид, антибактериальное средство

Глава 13

Дин

Пощечина освежила голову, затуманенную событиями последних дней. Да что там дней — последних лет.

На долю секунды я почувствовал себя почти как раньше. Как будто я жив, и как будто напротив такой же живой человек, которого действительно ранили мои слова. Я поддался этой иллюзии. Стало совестно за глупую выходку, за всю ситуацию, в которую я попал. Следом накатили горечь и отчаяние. Ну и пусть. Даже они лучше пустоты.

К реальности вернуло прозвучавшее обещание заняться мной: тело отозвалось ознобом, внутри снова все сжалось. Рано я, дурак, про эмоции подумал. Лучше бы пустота в душе никуда не уходила.

Что сейчас будет в самый раз, так это обрадовать бедного Гэри отсутствием ужина, погромче и на межгалактическом. Допросись-ка, дружок, от своего справедливого мироздания такой мелочи, как миска каши.

Ну почему у меня мурашки по коже каждый раз, как ни сверкнет он своими синюющими глазами?!

Повисшую на несколько минут тишину нарушает топот ног по коридору. Как не вовремя. Я не успеваю перебрать ругательства, как дверь с грохотом открывается и в комнату вразвалочку, как к себе домой, вкатывается Линсер с друж-

ками.

Ничего хорошего для меня их появление не предвещает. Нервы еще сильнее встряхивают тело, и по рефлексу, отточенному годами, ноги просят поскорее согнуть их в коленях.

Но падать на колени я не хочу. В конце концов, это приказ волонтерки. Потом она споеется с местной элиткой и Линсер, как обычно, будет в дверь с ноги заходить и творить что вздумает. Но это потом. Сейчас, пусть и на короткий миг, я поддаюсь соблазну почувствовать себя человеком. И остаюсь стоять на месте.

— На колени, Динни. Ты забыл, как это делается? — хищная улыбка приблизилась к моему лицу. — Своего хозяина не узнаешь?

Как же хочется заехать лбом в самодовольную глумливую морду!

Продолжаю молча стоять, словно обращается тварь не ко мне. Усилием воли гашу ярость, затапливающую с головой. А то ведь еще замахнусь — а это сразу считается нападением — и спасения мне не будет. Волонтерка, что ли, станет меня спасать? Кем бы она ни была — уж точно не захочет этого делать, когда узнает, за что меня сюда сослали. Только с тормозов слетит, как это происходило со всеми до нее. Моя статья — индульгенция для них, не иначе.

— На колени, — шипит Линсер и делает знак одному из дружков.

Один кулак сгибает меня пополам, другой прилетает в ли-

цо, и я оказываюсь на полу как раз в том положении, что требовалось мрази.

— Вот. Теперь можно и поговорить, — он медленно обходит вокруг меня и снова оказывается напротив.

— Мы с Селинтией очень разочарованы. Не делай так больше, Динни! — руки вцепляются в волосы и с силой швыряют в стену.

Что есть мочи упираюсь в пол и, как маятник, пытаюсь отклониться в противоположном направлении. Жаль, сил совсем немного и долго я так не повоюю. А главное, за что борюсь?

— Развлечемся? — с ноткой игривости мразь обращается к своим друзьям. Подступает тошнота.

— Ага, — слышу булькающее гоготание, — а потом в клуб по девкам.

Неожиданно рука отлепляется от моей головы. Надо же, я и не заметил, когда открылась дверь. Воспользуюсь передышкой.

Впрочем, пауза не затянется. Ни разу не видел, чтобы Линсеру перечили. Никто не хочет получать мстительного гаденыша себе во враги. Проще дружить с такими, улыбаться им и махать.

Волонтерка что, вообще не в теме? Разговор идет не по привычному сценарию. Девушка нервно рычит и... упоминает полицию.

Это она серьезно? Поднимаю взгляд, ожидая увидеть на ее

лице безумие, но от усталости мир снова заходится волчком. Ничего не разобрав, закрываю глаза.

Линсер понимает слова про полицию так же, как и я, и начинает неистово хохотать вместе со своей сворой.

Полиция здесь есть, но только для своих. То есть для Линсера, а не для полубезумной девицы, непонятно как с такими познаниями о Шенталире попавшей в волонтеры.

Но девица не сдается, хоть голос ее начинает пропускать дрожь. Психи обычно бесстрашные, видел не раз. Не сходится.

Переходит на более предметный разговор, про документы. Надеюсь, в нос придурку бумаги не сунет: тот порвет в один момент. Правила не писаны для уroda.

Может, и в самом деле адекватная? Не все любят делиться личными вещами. А мы с Гэри у нее, кажется, первые рабы.

Нет, ошибся. Не в себе. Даже не пытается договориться.

Линсер в своем репертуаре и уже достаточно себя завел. Не понимаю, почему он медлит, не бросается первый и шавок своих не науськивает.

Снова открываю глаза, но отвожу их в сторону Гэри. О, парень у нас играет в невидимку: в клубок свернулся и трясется. Совсем ни к черту нервы. Опускаю взгляд в пол, прислушиваюсь к себе и понимаю, что самого тоже потряхивает.

Я должен радоваться, что твари отвлеклись от меня и сейчас истратят весь свой запал на эту сумасшедшую. Но от сознания ее участи становится тошно, как абсурдно бы ни зву-

чало сочувствие волонтеру-садисту.

Что делать, когда начнется потасовка? Мне конец, если вмещаюсь. Благо сухожилия, вытянутые висением на цепях, убавляют такой соблазн: я сегодня и стакан с водой не удержу. Тайком подножку поставить — максимум.

Вопль Линсера оглушил и встряхнул сердце. Следом прилетела волна эйфории. Хоть кто-то осмелился дать твари то, что она заслуживает.

Долго ликовать не придется: сейчас Линсер даст знак своим заторможенным друзьям и девкой займутся по-взрослому. У меня опять сменится хозяйка, точнее ей снова станет Селинтia. А клуб «Ветреная лаванда» приготовится сожрать новую рабыню.

Отправляются к выходу? Не похоже на Линсера вот так просто проглотить унижение. Конечно, он еще будет мстить, подкарауливать...

Но я совершенно точно знаю, что мерзавец произнесет здесь и сейчас.

Эти слова оглушают, после них всегда проваливаешься в самую черную пустоту и на время перестаешь существовать и что-либо чувствовать. А первая эмоция, которая к тебе возвращается, всегда страх.

Однако сегодня это был щемящий стыд.

Но черт побери, кого здесь стыдиться? Какая разница, что подумает обо мне волонтерка, пусть и настолько отмороженная, чтобы удивить самого Линсера?

Я снова поддаюсь идиотской иллюзии, и это уже становится опасным. С какой стати я хочу опровергнуть сказанное и, главное, зачем? Я что же, рассчитываю, будто мне поверят? Для этого самому надо быть доверчивым идиотом.

Нет, когда-то у меня и вправду хватало наивности выраживать себя, в первый месяц своего пребывания здесь. Но неделя карцера отрезвила: повисев селедкой на крюке в темном подвале, я накрепко осознал, насколько был неправ.

Тем более чертова машинка — детектор лжи — во время расследования однозначно показала, что подозреваемый, то есть я, чувствует свою вину. А раз чувствует вину и есть улики, значит, виновен.

Так тому и быть.

Глава 14

Полина

Никогда не считала себя нежной фиалкой, падающей в обморок от первой же проблемы. Но сейчас происшествие выбило меня из колеи не намного меньше, чем захват гравилета пиратами.

Ни разу в жизни я не вступала в схватку с гопниками или с отвязными детками богатых родителей. И с убийцами никогда не пересекалась.

Железный обруч снова сжимал трахею, перекрывая кислород. Невыносимо хотелось уйти прочь и забыть все, что успела увидеть за несколько часов, которые провела здесь.

Вот только тайный пират наверняка за мной наблюдает, доступа к связи с Галактикой нет и, как выбраться в цивилизацию, непонятно. Но я буду искать способ убраться отсюда поскорее. Иначе или сойду с ума, или стану такой же тварью, как Линсер.

А ведь хорошо стукнула, и мерзавец эффектно завопил. Как бы то ни было, я отстояла свое живое имущество и вообще победила гаденыша на его территории: не случайно же он по моей заброшке как у себя дома шастает. Но вместо ликования и подъема душу давила тяжесть весом в тонну.

Молча я обошла Дина стороной, как обходили меня, стоявшую с электрошокером в руке, незваные гости, и вышла в

коридор, а потом на крыльцо.

Свежий воздух прохладным потоком проник в легкие, наполнил кровь кислородом. Я попыталась переключить внимание и набросать примерный план действий на сегодня, но тревога, как в насмешку над моими усилиями, постоянно сбивала с мыслей и подсовывала картины, которые я запихнула в самые далекие уголки сознания.

Полученное от Гэри и Дина представление об участии тех, кто оказывается в полной власти нелюдей, растравило нервы, а встреча с Линсером похоронила надежду, что я успею выбраться раньше, чем Эдвин получит все истязания, которые выпадают жертвам похищений. Никто не знает, сколько таких линсеров среди пиратов. Хорошо, если не каждый первый.

Сжав зубы, остановила поток переживаний за мужа. Легче не стало. Им на смену пришли мысли о погибшей женщине и нерожденном ребенке и о медленно умирающем сейчас их убийце. И чем дальше я их гнала, тем сильнее они вгрызались в душу.

Еще сильнее, чем прежде, захотелось проснуться и понять, что все это дурной сон. Кошмар, который вот-вот закончится.

Я чуть не закашлялась. Летающие в воздухе песчинки попали в бронхи и напомнили, что я не сплю. Уже почти сутки, кстати. Еще немного, и точно сон с явью путать начну, а перед глазами начнут летать спирали и треугольники, как на

картинах художников-абстракционистов.

Слухи насчет произвола местных на Шенталире ходили давно, но не было доказательств. Теперь, похоже, доказательства я увидела своими глазами.

Задokumentировать, что ли? Чтобы при возвращении отправить все материалы правозащитникам, и пусть они разбираются. Только как это сделать? И возможен ли вообще обратный путь отсюда?

Это же место из кошмаров каждого жителя Галактики, начиная с детских страшилок. Даже школьная учительница пугала: кто не выучит ее предмет, отправится проходить галапрактику на Шенталир. Никто ей, конечно, не верил, но к галаграфии старались относиться посерьезнее.

Кто бы мог подумать, что это нехитрое знание может пригодиться в жизни. Итак, что мы имеем: планета из двух континентов и океана, их разделяющего. Один почти полностью покрыт песком, и лишь небольшой клочок суши на нем пригоден для жизни.

Я снова вдохнула полной грудью. На зубах скрипнули песчинки, а воздух начинал нагреваться. К вечеру станет совсем душно. Ночью в пустыне резко похолодает, а к рассвету холод дойдет и до этого поселения. «Еще одна проблема, — отметила я себе. — Одежду надо купить и на жару, и на прохладную погоду».

Про другой континент ничего не вспоминалось. Наверное, более благоприятный в плане климата, а в остальном

такой же убогий.

Пираты освоили эту планету под свою основную базу тысячи лет назад. Местоположение оказалось находкой: между двумя черными дырами, гравитационное искажение от которых на долгие тысячи лет делало Шенталир невидимкой.

Здесь пираты прятали похищенных пленников и ценные грузы. Время шло, пираты процветали, база расширялась, климат планеты улучшался. Но и технологии в Галактике не стояли на месте. Двести лет назад, несмотря на все ухищрения пиратов, Шенталир, до зубов защищенный от вторжения посторонних, был обнаружен.

Войны к этому времени вышли из моды, да и планета находилась слишком далеко, чтобы тратить ресурсы на ее зачистку. И пиратам с их планетой просто объявили бойкот.

А чуть позже какой-то «светлой голове» из Межгалактического сообщества пришла идея сотрудничества. На Шенталире построили тюрьмы и подкинули уже потомкам пиратов работенку — за которую стали неплохо платить — по содержанию и охране преступников, ссылаемых сюда со всей Галактики. Так планета стала последней гаванью для самых злостных нарушителей закона: смертников, которых не хотелось лишать жизни из соображений гуманизма.

С нее даже сняли часть торговых ограничений. Обещали снять все, если планета станет «прозрачной» и будет регулярно допускать инспекторов на свою территорию.

Шенталирские феодалы тюрьмам не обрадовались, но

сделку приняли, а вот допускать проверки наотрез отказались.

Правозащитные организации пытались возражать, что ссылать преступников в далекое место, над которым нет никакого контроля, слишком негуманно. Но мировое сообщество отмахнулось от этой темы. Тем более доказательств жестокого обращения с преступниками не было.

«Ха, а откуда им быть?» — задала я вопрос мирозданию. Вспомнились слухи, что только доверенные местным верхам могут попасть сюда волонтерами или туристами, и у меня засосало под ложечкой. То ли от голода, то ли от тревожного предчувствия.

Солнце поднималось выше, ветер затих. Приятная утренняя прохлада как-то быстро превратилась в некомфортную жару. Я сняла куртку и повесила на руку. Вода с глюкозой и солью, пролитая на одежду, высохла и превратила ткань в наждачку, неприятно царапавшую кожу.

Более широкую публику пускали в другое «прекрасное» место — Новый Шенталир. Туда ездили за очень немалые деньги в дни каких-то зрелищ. С риском для репутации, естественно, хотя и организовывалось все тайно, через блэкнет. Я раньше недоумевала, кому и зачем нужен такой туризм...

Между тем некоторые энтузиасты продолжали расследовать похищения в космосе и предупреждали, что пираты до сих пор нападают на гравилеты. Только делают это в секто-

рах Галактики с меньшим трафиком, осторожно и намного реже. Еще нападают они лишь на те гравилеты, в которых могут оказаться нужные им специалисты — самая главная для них ценность. Так считают охотники за пиратами.

Чушь ведь? Я бросила взгляд на заброшку. Шенталир прекрасно обходится без специалистов. Похищают людей для других целей. Вот только для каких?

Так кто и зачем напал на наш гравилет? Явно не затем, чтобы похитить зеленого врача-недоучку для лечения местного населения и рабов заодно.

Отчаяние холодной волной лизнуло сердце, и перед глазами всплыло лицо Эдвина в тот последний момент, когда меня уводили. Он смотрел неподвижно, будто нет причин для тревоги и помощь близко. Не осознавал тогда, в какой кошмар угодил.

Где он сейчас? Как мне выбраться и присоединиться к поискам мужа и оставшихся пассажиров? В том, что всех нас ищут, я не сомневалась.

Без межгалактической связи не обойтись. Если где она и есть, то у местных богатеев, они здесь всем заправляют. И одного из них, если верить словам раба, я погладила электрошокером.

ТЬФУ!

Подонки настроит всех местных против меня, нечего и сомневаться. Это как минимум. И пакостить будет при каждом удобном случае.

В итоге даже сочувствующие не станут рисковать, предлагая свою помощь.

Захотелось выругаться. Громко. Трехэтажно. Как это делали герои в самых пошлых фильмах.

Где мне тогда искать доступ к связи, и лучше бы к гала-нету?

Одно неплохо: своей идиотской фразой про полицию я себя выставила полной дурой и всерьез меня воспринимать не будут.

Надо возвращаться и погружаться в актуальные дела. А заодно прикинуть, какое «медицинское оружие» можно приготовить из аптечного ассортимента, чтобы в случае стычки с «золотыми» и не очень детками было чем их удивить, помимо шокера.

Постоять бы еще, подумать. Но воздух накалялся, и я с курткой в руках вернулась на второй этаж. Пора заняться ранами и пневмонией Дина, как бы мне ни хотелось этого избежать.

Глава 15

Перед тем как вернуться в процедурный, я пробежалась по отделению. Нашла техническое помещение с инвентарем и ветошью, несколько палат и одну непривычно крохотную комнату, имеющую санузел с душевой. Из-за отсутствия окна она больше напоминала чулан, если бы не втиснутые в нее аж три койки, да так плотно, что на проход места не оставалось.

Тут и думать о ее предназначении нечего — комната для рабов. Я окинула взглядом помещение и поняла, что именно вызывает самое большое неприятие. Можно смириться с отсутствием окна и общей теснотой, но не с неимением замка на двери.

Мысль о врезке хоть простой защелки проскочила и погасла. Смысл в замке — если Линсер постучит, ему будут обязаны открыть. И вообще, рабам вряд ли разрешается запирались изнутри. Если разрешу, а заодно запрещу открывать кому попало, вызову еще больше кривотолков у местных. Нужно другое решение. Не для того я с Линсером поцапалась, чтобы он принялся втихую отыгрываться на моих рабах.

Впрочем, простой выход был на самом виду. Но едва я начинала его допускать, вспыхивал внутренний протест. Решиться поселить рабов в служебку, не поискав другие вари-

анты, я никак не могу.

Я еще раз прошла по этажу, нашла душевые для пациентов. И раздосадованно — ржавчина говорила об их полной непригодности, даже будь в трубах вода, — подхватила оставленную в дверном проеме коробку с лекарствами и фармакопеею и направилась в процедурный кабинет.

Дин и Гэри находились там, где им положено быть. Одни. И на том спасибо, второй стычки с Линсером или ему подобными я сейчас не выдержу.

Гэри, повернувшись спиной к двери, смотрел в окно. Не на коленях. Лишь когда обернулся на звук моих шагов, по его лицу пробежала тень, и я почти почувствовала, как он борется с собой, чтобы не занять привычное положение. Не упал. Отлично. Пожалуй, с ним не все потеряно.

Словно в ответ на мои мысли, он кивнул в сторону лежащего на столе прямоугольника со шнуром:

— Зарядка для... — и завис, подбирая слово.

Я чуть успела прикусить язык, чтобы не сказать «спасибо». Молча взяла зарядку, достала шокер и воткнула в розетку.

Дин отрешенно созерцал дурацкий рисунок на стене, продолжая сидеть на полу, где я его и оставила. Атмосфера фонила усталостью и раздражением. Опять поругались?

Вражда рабов меня начала напрягать, а я еще и суток в статусе рабовладелицы не пробыла.

— Гэри, по коридору направо есть техническое помеще-

ние. Там ведра, швабры и ветошь. Принеси воды, протри кушетку и сделай уборку в служебке, — максимально четко произнесла я задание и на всякий случай уточнила: — Понимаешь мои слова?

Гэри нервно кивнул.

— Тогда иди.

Брюнет исчез за дверью, а я взглянула на лицо Дина. Фингал уже начал проступать: большое розовое пятно потемнело еще на пару тонов.

Подошла вплотную, чуть коснулась пальцами. Кожа горячая, но не рассечена. Само пройдет. Лишь бы сотрясение не получил.

Дин рассеянно поднял голову, мельком взглянул на меня и снова принялся безучастно созерцать стену.

— Голова кружится? — ну да, в его состоянии про что ни спроси, на все ответ будет положительный.

— Не сильнее, чем обычно.

Настороженность в голосе — это что-то новое.

— Сейчас займемся твоими ранами, — решила я предельно четко декларировать свои намерения, как учит медицинская деонтология. — Будешь моим первым пациентом.

— Неудачное вы место для первой работы выбрали.

— И не говори.

Я обошла Дина и заметила, как напряглись его мышцы со спины. А когда тихонько коснулась футболки, присохшей к ране, он вообще вздрогнул.

И тут я поняла. Он меня просто боится.

После нашей потасовки с Линсером нельзя его в этом упрекнуть. Я сама себя уже скоро бояться буду.

Первым порывом было рассказать, какая я белая и пушистая. И вреда не причиню. Но потом голова встала на место. Все-таки передо мной убийца, пусть и в плачевном состоянии. Что у него на уме, я знать не могу. Вдруг он неспроста настолько избит? Вдруг неконтролируемый?

Мысль мне совсем не понравилась. Чуть суматошно перебрала в памяти все препараты, которые видела в аптеке, — нейролептики там не встречались.

Из практики в реабилитационном центре я усвоила, что выверты пораженного мозга являют чудеса силы и героизма: один пациент в делирии, то есть в белой горячке, почти в узел связал медицинский штатив, прежде чем санитары успели его утихомирить. «А ведь делирий бывает от любой интоксикации, — проскочило в голове, когда я попыталась отмахнуться от воспоминания-страшилки и вернуть мысли в предметное русло. — Тут тебе и нагноение ран, и пневмония, и все на фоне обезвоживания». Этот пока не в делирии, но все равно тревога не унималась.

— Гэри здесь тоже из-за преступления? — попробую снова отвлечься разговором.

— Вы хотите сказать, тоже убийца? — с небольшой одышкой проговорил Дин и зашелся в кашле на последнем слове. А я принялась искать глазами фонендоскоп.

— Да, — отвернувшись, я забрала его с подоконника.

— Он не преступник, — откашлялся Дин.

— Не понимаю тогда, как он попал в рабство. За долги?

— Спросите у него сами, — ушел от ответа блондин.

Спрошу, не проблема. Может, у них здесь чистое либертарианство и любой может продаться в рабство. Утрирую, но не исключаю.

Перевела взгляд на натягивающиеся цепи кандалов и не почувствовала даже отголоска предыдущего желания снять их поскорее. Но как иначе я доберусь до ободранных кистей? Да и разбираться с пневмонией они мне тоже будут мешать.

Короткое раздумье, и, наконец, я сделала то, против чего восставала душа: полезла за ключами и поочередно освободила одну и другую руку Дина. Даже мимолетного касания было достаточно, чтобы почувствовать лихорадку.

Снова этот отрешенный взгляд, выворачивающий душу наизнанку.

— Не сбегу я, — неправильно истолковал Дин мою нерешительность, когда я зависла, перед тем как заняться кандалами на ногах. — Кандалы это так, для унижения. Некуда отсюда бежать, ну и, — он чуть согнулся, приподнимая штанину и демонстрируя узкую черную змейку на щиколотке, — следящий браслет никто не отменял.

— Меня это не касается, — ответила я с максимальным безразличием в голосе.

И тут до меня дошло, что, если есть следящий браслет,

значит, связь тоже есть. Смурлый мне наврал с три короба?

— Мне сказали, что связи здесь нет.

— Есть локальная охранный сеть. За периметр поселения с таким браслетом не выйти. Но больше она ни на что не способна, — одышка приглушала слова, реплика далась Дину с трудом.

В ответ я разочарованно вздохнула.

— Попробуй приподнять футболку, — я сжала в ладони оголовье фонендоскопа, устроилась на полу, чтобы быть на одном уровне с пациентом, и, когда холодный металл согрелся, приложила к груди там, где бронхи.

Первым услышала заходящееся в тахикардии сердце. Предсказуемо. Навострила слух. А вот и знакомое потрескивание. И хрипы. Куда же без них.

Взгляд сам приклеился к продолговатым воспаленным ранам, разбросанным по всей груди. «Ожоги от шокера», — вздохнула я, прикидывая последовательность обработки всего набора, больше уместного для сестринской практики.

— Все, опускай, — и зашла со спины, приложив фонендоскоп прямо поверх майки.

Хотелось лучше прослушать, что творится в верхушках легких. Но раны сплывались с тканью, и ничего, кроме посторонних шумов, я не слышала. Впрочем, и без дополнительных обследований понятно: пневмония есть. Нужно добывать серьезные антибиотики.

Непростая задача. В аптеке я нашла коробку самого про-

стого пенициллина. Он пневмонию не достанет и побочных даст, а все равно других вариантов нет.

Я перевела взгляд на лицо Дина. Глюкоза на короткое время чуть поддержала силы и на этом себя исчерпала. Снова он выглядит так, будто едва голову на весу удерживает. И синевы на губах прибавилось. Будь такой пациент на Зантире, его бы давно в реанимацию отправили.

Но здесь даже кровь ни на маркеры воспаления, ни на электролиты не проверить. Нашла фонендоскоп — и крутись как хочешь.

— Пневмония. Скорее всего, запущенная, — я продолжила соблюдать правила общения с пациентами и все объяснять. — Раньше бывала?

Дин едва заметно повел головой:

— Не знаю, мне не говорили, чем болел.

— А до Шенталира?

Дин резче, чем я ожидала, дернулся и пристально посмотрел на меня.

— Нет, — резкость в тоне озадачила, и я, сама того не желая, вцепилась взглядом в серые радужки пациента.

Дин лишь сильнее сжал губы, и без того превратившиеся в узкую полоску.

Обстановку разрядил Гэри, появившийся с ведром для уборки. Я переключилась на другую задачу: встала на ноги, бухнула в воду лимонку и немного марганцовки, а затем проследила, чтобы кушетка была обработана и вытерта насухо.

Закончив, Гэри ушел мыть служебку. Кожей я чувствовала, что Дин все это время пристально наблюдал за мной, хотя и смотрел якобы куда-то мимо.

«Сначала ожогами на груди займусь, а потом самым сложным, — взгляд снова приклеился к ранам на спине и сплавившимся с ними обрывкам ткани. — Придется отмачивать, это время. Но не отдирать же наживую. Хотя, чувствую, Дин бы не удивился».

Зато удивляю его, когда начинаю срезать футболку. Он начинает бросать исподтишка настороженный взгляд, а я с опозданием догадываюсь, что надо бы объяснить свои действия.

— Сейчас займусь ранами на груди. Для этого футболку надо снять, а она вклеилась в раны на спине. Если рывком содрать, вряд ли тебе это понравится.

— Не впервой, — с безразличием дернул плечом Дин. Только судорожный вдох подтвердил мою догадку: притворяется невозмутимым мой пациент сверх всякой меры.

— Зато мне впервой, — качаю я головой. — Сейчас разрежу, ожоги обработаю, а потом переберешься на кушетку и попробую отмочить. Еще у меня анестетика немного есть, только он аллергенный, и срок годности истек больше двух лет назад. Может не сработать.

— Линсеру оставьте, — не понимаю, шутит или всерьез.

— Для него горчичник как раз завалился, — поднимаю уголки губ в улыбке, и Дин как будто повторяет за мной.

И опять тот самый непонятный морок. Хочется пошутить, успокоить и... И что? Забыть последнюю фразу Линсера?

Еще несколько минут в повисшей неловкой тишине, нарушаемой лишь слишком частым дыханием Дина, и можно переходить к спине.

Не успела я подумать, что Дин сам вряд ли переберется на кушетку, а отмачивать раны сидя — идея так себе, как дверь открылась и брюнет, нервно поглядывая на нас с Дином, зашел в комнату.

— Гэри, помоги Дину перебраться на кушетку.

В этот раз никто гримасу не корчил, хотя явно не потому, что подопечные изменили мнение друг о друге. Дина повело в сторону, и они оба чуть устояли на ногах.

Фух!

— Гэри, тебе разрешено ходить с поручениями без сопровождения?

— Да, — чуть кивнул брюнет.

— Тогда у меня для тебя есть задание. Не знаешь, где можно добыть футболку и свитер потеплее? Вот прямо сейчас.

Я пробежала взглядом по загноившимся ранам на спине, проглядывающим через рассеченную ткань. Теперь, когда из окна их освещал дневной свет, я смогла рассмотреть масштаб бедствия. Слишком глубокие и запущенные. Возиться мне с ними еще долго.

— В магазине, — сверкнул синими глазами капитан оче-

видность.

— Вот и хорошо. Сходи по этому адресу и передай, что мне нужен аванс, — сунула я в руку Гэри визитку Смуглого. — Если откажет, спроси, где я могу получить одежду для рабов. И про еду тоже спроси.

Моя идея выглядит слишком нелепой. Никто рабов по таким вопросам не посылает. Но времени нет совсем, и я вздохнула:

— Еще скажи, что я очень прошу помочь. Запомнил? Дин, проверь.

Не поднимая головы, Дин загробным голосом что-то произнес на неизвестном языке, и Гэри так же монотонно ответил, скептически уставился на визитку и по слогам прочитал адрес. Завис на минуту, а потом озарение осветило его лицо.

— Я знать где! Можно уходить?

— Да.

Брюнет скрылся за дверью.

— Здесь есть учителя местного языка? — я отметила свое впечатление, насколько свободно Дин им владеет.

— Не знаю, не встречал.

— Тогда как ты его выучил?

— Не думаю, что вам пригодится мой личный опыт ускоренного обучения, — выдохнул он и замолчал.

Дин устроился на кушетке, и я принялась за дело. Осторожно смочить ткань. Подождать, пока вода впитается, и еще смочить. Потянуть ткань за края. И еще добавить воды, по-

тому что кожа намокает плохо, а присохло сильно, и я чувствую, как подрагивает спина Дина от каждой манипуляции.

«Вот какого же лешего я жалею преступника?» — вздохнула я и снова добавила анестетик на рану.

Монотонная работа располагала к размышлениям, среди которых всплыли слова, которыми конвоир пытался расхвалить Дина: «Из дома господина Иленри».

— С чего вдруг местные богатеи прислугу из преступников набирают? Не хватает законопослушных?

— Об этом вам лучше спросить их самих, — снова вернул мне вопрос Дин.

Следующий час прошел в тишине, нарушаемой лишь тяжелым дыханием Дина да позвякиванием инструментов. Среди голых стен звуки казались слишком звонкими и эхом отражались от них.

Еще полчаса на ободранные руки, и можно разогнуть затекшую от усталости спину. А заодно поискать в аптеке еще одну склянку с антибактериальным.

Захотелось прилечь или хотя бы выпить чашку кофе для бодрости. Но кушетка занята, а кофе на Шенталире попробуй еще найди. И уходить отсюда нельзя: вдруг вернуться незваные гости. Таскать за собой Дина не вариант. И так пневмония есть. А в этой заброшке даже сейчас, когда на улице жара, слишком прохладно: при всем убожестве, стены в ней исключительно толстые, о чем свидетельствовали широкие подоконники.

Не хватало еще застудить на сквозняках — и привет, хронь. Тем более ничего сухого и теплого на замену футболке пока нет.

Я посмотрела на Дина. М-да, последняя проблема актуальнее некуда: кожа стала гусиной. Мерзнет мой убийца, чтоб его.

Ну и что мне делать?

На глаза попала моя же куртка, которую я пару часов назад сняла на улице. Не по размеру, но если просто накрыть спину, немного согреет.

Набросила куртку на перебинтованное тело, и едва уловимое «спасибо» долетело в ответ. Вопреки ожиданию, Дин продолжил:

— Доктор Джекил и мистер Хайд, — тихо прошептал он, — это ведь не про вас?

Что-то новенькое. И не сказать, что оно мне нравится. Ненавижу манипуляции. В том, что это они, я почти не сомневалась. Чувствую ведь: ищет ко мне подход. Начинал язвительно и высокомерно, чтобы теперь огорошить неоднозначным намеком. Затем, к гадалке не ходи, снова в молчанку поиграет...

Надо подумать, как заменить переводчика. Неужели на всей планете нет другого кандидата?

— Наверное, нет, — ответ прозвучал более громко. — Никого другого, кроме как из этого поселения, вам не пришлют.

Я опять чертыхнулась: уже вслух говорю что не надо. Вот что значит недосыпание.

— Не понимаю, почему? Должен кто-то знать межгалактический язык. Не может убийца оказаться уникальным знатоком.

— Стоит сделать запрос, и вам подберут преступника по вкусу, — губы раба сжались в тонкую нить.

Глава 16

Дверь скрипнула, ответить Дину я не успела. Да и нечего мне было отвечать. На пороге возник еще один загорелый парень в плотной одежде защитного цвета. Позади него нерешительно переминался с ноги на ногу Гэри.

— Я от господина Ильвего. Вы посылать запрос, — парень говорил медленно, чуть зависая на каждом слове.

— Да, — кивнула я, отмечая, что знание межгалактического здесь даже у свободных никуда не годится.

— Господин Ильвего просит вас больше не присылать рабов с поручениями. Приходите лично.

Что-то мне подсказало, что требование было высказано в более резкой манере. Гонец его смягчил.

— Хорошо, — кивнула я и решила не оправдываться. — Сегодня я к нему еще успеваю?

— Это на будущее. Сегодня не надо. Вот аванс, — парень протянул тряпичный мешочек, в котором угадывалась стопка купюр, — и на содержание рабов.

— Спасибо, — забрала я из рук гонца поклажу, надеясь, что Смуглый приложил расчетный, сколько из этого всего мое. — Завтра я еще приду лично по другим вопросам.

В ответ парень кивнул и, пожелав хорошего дня, исчез в коридоре.

На военного похож или охранника, наподобие того, кото-

рый Гэри и Дина привел. Такая же лаконичность и скорость исчезновения. И загорелость у всех примерно одинаковая.

Я пробежалась взглядом по лицу Гэри. Тоже загорел не намного меньше свободных. А вот кожа Дина, который сейчас, продолжая кутаться в мою куртку, сидел на кушетке — когда успел подскочить? — намного бледнее. Не то чтобы это плохо: все равно подневольных здесь уж точно не защищают кремом от ультрафиолета.

Я снова поймала на себе теперь уже нескрываемый Дином пристальный, буравящий взгляд, который он не отвел, даже когда я вопросительно подняла брови. Мой жест остался без ответа. Нет у меня времени в гляделки играть.

Теперь, когда деньги получены, надо бы их подсчитать и прикинуть самые необходимые траты. Ну и менее необходимые, если аванс окажется достойным молодого специалиста, попавшего в феерическую западню. Но все же сведением дебета с кредитом займусь чуть позже. А сейчас самое время определить, куда я поселю своих невольников.

Голова звенела от усталости, спина ныла, и невыносимо хотелось пить. А вот думать и просчитывать возможности появления Линсера совсем не хотелось. Тем более в таком состоянии я обязательно что-нибудь не учту. Проверено на собственном опыте неоднократно.

Идея поселить рабов на день-два в служебку занимала все более уверенную позицию. Наивно было бы надеяться, что Линсер не посмеет ввалиться в личное жилье волонтера. Ха!

Правила хорошего тона явно не для него писаны. И все равно я могу приказать, чтобы без моего присутствия никого не выпускали, и, поскольку территория моя, выглядеть это будет естественно. Дин с Гэри обязаны подчиниться. Не снесет же гаденыш дверь?

Похоже, это и в самом деле хорошее решение. Если бы не одно но.

Гэри выглядит совсем безобидным, а вот про Дина так не скажешь.

Здравый смысл тихонько намекнул, что я отвлеклась и занимаюсь не тем. Вместо решения проблем местного контингента, которые меня никакой стороной не касаются, стоило бы обратить внимание на свое состояние. Тем более много мне не нужно. Сон, вода и немного глюкозы из склянки, оставленной на кухне.

Однако зависать над проблемой некогда, завтра разберусь, и я отдала распоряжение:

— Дин, ты сейчас встаешь. Гэри, ты помогаешь Дину. И мы идем в служебку. Поживете пока там.

В ответ на изумление во взгляде Дина сказать мне было нечего. Я только вытащила шокер из розетки — не хватало опять его здесь забыть — и пошла впереди.

«Все-таки мой предшественник был аккуратистом», — улыбнулась я, глядя на ровные стопки постельных принадлежностей в одном из шкафов в коридоре служебки. Цвет-

ное с цветным, белое с белым, комплект к комплекту. Только, в отличие от посуды на кухне, в полиэтилен не упакованных.

Пока Гэри готовил спальные места — одно в комнате побольше, которую я определила себе, и два во второй, — я занялась подсчетом финансов.

Записку в мешочек с деньгами Смуглый приложил. Из нее следовало, что мне на обустройство положено 1350 местных лир, еще 100 лир на Гэри и 50 на Дина. Какими бы ни оказались местные цены, разница в суммах меня уже напрягла.

Когда я разобралась с наличностью, Гэри как раз заканчивал с моей комнатой, самой ближней к выходу. Вроде бы ничего не случилось, а лицо его было чуть хмурое, со сжатыми губами и сведенными к переносице бровями. «Злитесь, — догадалась я, — что ему одному пришлось работать, пока напарник не в форме».

Не слишком ли быстро он перестал меня бояться? Мысль мне показалась серьезной, но сейчас не до нее: у меня еще одно дело не сделано.

Нужно узнать их размер одежды и обуви. Захотела спросить, но, едва взглянула на все мрачающее лицо Гэри, передумала. Я вспомнила, что в договоре на рабов были разные цифры и параметры. Достала из кармана бумаги и удовлетворенно кивнула: задача решена. Осталось сделать объявление, и можно идти за покупками.

— Итак, — зашла я в дальнюю комнату и принялась ко-

ротко освещать положение дел. — Моя комната ближайшая к кухне. Не смей в нее заходить.

Кивнули.

— Второе. Я входную дверь закрою только на нижний замок, он открывается изнутри. Никому, кроме нас троих, не открывать. Это приказ. Все понятно? Дин, переведи правила для Гэри.

Когда Дин закончил, я вспомнила о главном.

— Душ, как видите, не работает. Заниматься решением проблемы буду завтра. Дин, ты говорил, что знаешь, где что здесь. Туалет на улице есть?

Блондин кивнул.

Забрав куртку — под одеялом она больше Дину не нужна, — я отправилась с Гэри наружу.

Едва мы вышли на воздух, кожу опалило жаром, словно тепло лилось не от обычного светила, а от раскаленного газового гиганта, не меньше, чем Бетельгейзе. Понятно, в ближайшие несколько часов не похолодает и все это время мне придется тягать куртку в руках.

Гэри нерешительно топтался рядом, не понимая, что мы будем делать.

— Гэри, мы идем по магазинам. Сначала за одеждой, потом за продуктами, — произнесла я замедленно и поняла, что от такого разговора меня скоро начнет мутить. — И в кафе по дороге заглянем.

— Госпожа, здесь есть один... большой магазин... все в него ходить... там все...

— Тогда води меня прямо туда, — мысленно повторяя список необходимых вещей, приказала я.

Дорога оказалась утомительной. Главным образом потому, что каждый встреченный по пути местный задерживал на мне взгляд чуть дольше, чем позволяли правила приличия в моем мире. Или, не таясь, сверлил глазами. Неужели я настолько выделяюсь?

Одна пожилая леди и вовсе без смущения перегородила дорогу и что-то залопотала на своем языке. Я перевела вопросительный взгляд на Гэри, но тот только таращился своими глазами то на меня, то на нее и молчал.

Понулыбавшись в ответ на беззубую улыбку и покивав, мы пошли дальше.

— Что она хотела?

— Говорить, что не видеть вас раньше. И слышать, что доктор новый есть.

Ну вот поди ж ты! Старушки всегда и везде все узнают первыми. И вечен анекдот про Лену, которую устраивало, что те считают ее особой легкого поведения, — лишь бы не догадались, что она терапевт. Ну а мне шифроваться уже поздно.

— Медленно же вы идете! — гроыхнул за спиной незнакомый голос на межгалактическом.

Я резко обернулась, чтобы увидеть круглого, напоминаю-

щего колобок мужчину с одутловатым лицом.

— Считаете, нам надо поспешить?

— Непременно, сегодня ожидается песчаная буря, — нахмурился незнакомец. — Не так чтобы она опасна, но неприятна. Песок попадает в глаза, нос...

— Спасибо за предостережение! А вы кто будете?

— Митрий, мы с вами еще встретимся, и не раз, — растянул губы в улыбке мужчина.

— Вот как? — моя бровь поползла вверх.

— Все красивые девушки ходят в «Ветреную лаванду», я там начальник службы безопасности.

Я скептически всмотрелась в красное лицо Митрия, отмечая предварительный диагноз: алкогольный псевдо-Кушинг. Ну и какую безопасность с таким пристрастием он может обеспечить?

Значит, вот о чем успел заикнуться Линсер. Пожалуй, этот клуб мне лучше обходить стороной. И я, мило попрощавшись, двинулась дальше.

Ветер понемногу усиливался, песка в нем становилось все больше. Климат Шенталира мне нравился все меньше и меньше.

— Гэри, расскажи мне про «Ветреную лаванду», — повернулась я к вяло шагающему рядом парню.

— Что рассказать? — глядя под ноги, пробормотал он.

Мне показалось или смуглые щеки чуть зарумянились?

— Что знаешь, — пожала я плечами.

— Клуб, — замялся брюнет. — Музыка... танцы....

— И все?

— Под музыку танцевать и раздеваться рабы, — с обреченностью в голосе произнес Гэри.

Я бросила пристальный взгляд на засмущавшегося спутника, чтобы увидеть совсем уже яркий румянец на щеках. Подумаешь, стриптиз-клуб, тоже мне экзотика... Если бы не последнее слово в реплике Гэри.

«Ладно, меня это не касается», — отмахнулась я от картинки, нарисовавшейся в голове. Несмотря на жару, мурашки пробежали по коже, заставляя поежиться от нехорошего предчувствия. Когда снова осмотрелась вокруг, поймала на себе взгляд очередной прохожей.

Да что это такое... Я здесь новый экспонат? Почему все на меня смотрят?

— Пришли! — Гэри показал на ярко-синее, утопающее в листве огромных деревьев двухэтажное здание.

Переступив порог, я первым делом сориентировалась по ценам и поняла, что выделенная сумма у меня не задержится. А как прожить невольникам целый месяц на 100 и тем более 50 лир — вообще загадка.

Но малейшие помыслы об экономии тут же растворились в запахах готовой еды. Последний раз я ела перед вылетом, а в гравилете только сок брала. Уловив ароматы специй, я поняла, что голодна просто зверски и в таком состоянии в продовольственный отдел идти нельзя. Скуплю все, что надо

и не надо.

— Здесь есть кафе? Или столовая?

— Да, — кивнул в сторону Гэри.

Но прежде, чем я заметила дверь с картинкой дымящейся чашки в золотом обрамлении, в глаза бросились три покупательницы, так и этак рассматривающие странные костюмы, больше пригодные для марш-бросков.

— Что это?

— Готовятся к пыль буре, — сообщил Гэри. — Если ходить в пыль бурю, то вам тоже надо.

— Позже, — мотнула я головой. — Поедим сначала.

Но тут же притормозила и принялась разглядывать окружающих. Кафе, на которое показал Гэри, выглядело слишком пафосно, чтобы можно было в него вот так запросто войти с рабом.

Словно в подтверждение моих слов дверь открылась и под трель колокольчика выпустила средних лет пару: женщину, на которой покачивались внушительных размеров украшения и чьи руки были заняты ридикюлем, и мужчину, державшего одну руку на талии своей спутницы, а в другой сжимавшего тучную барсетку.

Вообще, женщины здесь выделялись броскими нарядами, тогда как мужчины тяготели к стилю милитари с характерной обувью и защитного цвета одеждой с широкими карманами.

Покупки тех и других тащили сопровождавшие их рабы.

Я скользнула взглядом по Гэри, отмечая неприметную серую футболку и брюки. Примерно так же были одеты и другие рабы. Ни тебе карманов, ни малейшей отделки.

Колокольчик снова звякнул. Из кафе в холл торгового центра вышли две женщины. Одна из них сделала знак в сторону, и рядом материализовался молодой мужчина в синей футболке и черных брюках, после чего они направились в магазин.

Понятно, с рабами сюда нельзя. Надо искать что попроще.

Я повертелась на месте и заметила еще одну дверь, без пафосной позолоты и прочих атрибутов статуса. С прозрачной наклейки, прилепленной прямо на дверное стекло, проглядывал почти стертый рисунок тарелки с идущим от нее паром, намекавшим, что здесь тоже можно перекусить горячего.

Пока я стояла, в примеченную мной столовку зашло несколько свободных людей вместе с рабами, тащившими их покупки.

— Идем, — позвала я Гэри и направилась следом за вошедшими.

Вкусные запахи доносились явно не отсюда: столовая оказалась довольно убогой. Редкие недовольные переклики персонала наряду с общей бедностью интерьера производили тягостное впечатление.

Сегрегации это, разумеется, нисколько не мешало: два зала, один для рабов, другой для господ. Одного взгляда

на рассредоточившихся посетителей хватило, чтобы понять: спутник мой идет в синий зал, к таким же парням, как и он сам, а я остаюсь в красном. Даю напутствие заказать нормальный обед и смотрю в спину удаляющемуся Гэри.

Закусив губу, я взяла меню и устроилась в свободном углу красного зала, как раз под большим черным ящиком, из которого раздавалась бьющая по ушам музыка.

Стоило мне открыть тонкую, облаченную в темный переплет книжицу, как сразу стало понятно, что рано я отпустила своего помощника. В меню я не понимала ни слова.

Глава 17

На миг я зависла, гипнотизируя взглядом символы, складывающиеся в строчки, но ничего, кроме цены, мне не говорящие. Строчки собирались в блоки, над которыми чуть более жирным шрифтом о чем-то сообщалось.

Наверное, обычная градация блюд на первое, второе и компот. То есть напиток с десертом. Так что я выбрала из каждого блока по блюду средней цены и потыкала в них пальцем официантке, подошедшей принимать заказ.

Способ себя оправдал: на первое я получила картофельный суп с говядиной, на второе стейк из жесткого мяса, а на третье и в самом деле стакан компота из сухофруктов. И бисквитное пирожное с масляным кремом, которое я так и оставила лежать на тарелке: кондитерских излишеств мне сейчас хотелось в последнюю очередь.

Мой обед потянул на двадцать лир, заказ Гэри стоил всего четыре лиры. «Чем он там «шиканул»? Сказала же, чтобы брал нормальный обед», — скрипнула я зубами.

Тем временем он, увидев меня на кассе, подошел и стал за спиной. Что-то я нервничаю, когда вот так позади стоят.

— Гэри, — обернулась я, — спроси, что здесь продают на вынос.

На вынос продавали все, что госпожа пожелает. И я неторопливо перечислила, что хотела бы увидеть на ужин. Дину

подобрала что полегче: непонятно, как долго он голодал.

Итого поход в столовку потянул на внушительные пятьдесят пять лир. Чаевых я решила не оставлять: покупок предстояло немало и, похоже, пока я здесь, отвечать мне придется не только за себя.

Гэри уже не хмурился и выглядел вполне довольным. Мы вышли в холл, чтобы направиться в сторону промтоварного отдела. Но меня привлекла вывеска с грозным трафаретным шрифтом, и, потянув за тяжелую металлическую дверь, я под затухающую улыбку Гэри зашла посмотреть, что там продают.

Заглянула не зря. На стенах оказались развешаны разные приборчики, напоминающие мой шокер. Надо будет иметь в виду это место, если потребуется дополнительное оружие.

— Сколько стоит средний? — спросила у не сводившего с меня глаз бородатого торговца.

— Две тысячи лир.

Нет, это на крайний случай, и я вышла из павильона. Но мысль про необходимость заначки осталась.

Женский отдел мы пролетели за полчаса, не больше. Я просто сгребла в тележку средней нарядности и цены футболку, белье, брюки и толстовку. Проверила в примерочной, затем добавила еще несколько таких же футболок.

Наскоро я набрала несколько вещей и в мужском отделе. Зависла только возле мужской парфюмерии, глядя на посетительницу в изысканном красном наряде, зарывшуюся сре-

ди стекляшек. Сопровождал мадам молодой мужчина, в котором я не с первого взгляда опознала раба. Аккуратная площадка на голове делала его похожим на свободных, если бы не одежда: такая же, как у остальных рабов, без карманов, только более яркого цвета.

Сообразив, что удивляться нечему, я направилась туда, где виднелось множество разноцветных флаконов. Тележку дополнили шампунь, мыло, пара тюбиков крема для бритья, собственно бритвы, и мы понеслись дальше.

В продовольственной части пришлось задержаться. Внезапно я поняла, что понятия не имею, что можно приготовить из продуктов, которые бросились в глаза.

Мы шли мимо холодильников с какими-то полуфабрикатами: белыми подушечками из теста, внутри которых, если верить картинкам, было мясо, овощи и даже варенье. Дальше по пути оказались холодильники со странными продолговатыми продуктами, аналогичным образом обещающими вкус рыбы, крабов и даже устриц.

Мне захотелось остановиться и выругаться во весь голос. Но я только сильнее сжала ручку тележки, и мы пошли дальше.

Добрались до секции с разнообразными замороженными овощами и фруктами.

— Гэри, — чуть ли не взмолилась я, — а нормальные продукты у вас есть?

— Какие? — подозрительно покосился на меня помощ-

ник.

— Ну овощи, фрукты свежие, крупы. Обычной еды готовить. Что ты, что Дин выглядите не очень.

— Наверное, есть, — нерешительно огляделся по сторонам Гэри.

— Пошли искать, — произнесла я, шаря глазами по прилавкам. — Ты, кстати, справишься сам на кухне?

Гэри со вздохом кивнул и, чуть вобрав голову в плечи, двинулся следом. Ну а что он хотел? Чтобы я Дина, не стоящего на ногах, к готовке приобщала?

Почти привычная мне еда нашлась в другом конце магазина. Называлась она торжественно «биопродукты» и стояла раз в десять дороже того замороженного недоразумения.

Взяв продуктов на первое время — и так тележка оказалась неприлично переполненной, — мы направились к кассе. Уже почти у цели мое внимание захватили крики со стороны небольшого отдела с пестрыми стеллажами.

Тучная женщина громко скандалила, вокруг нее суетился невысокий мужчина.

«Видимо, пытается утихомирить», — догадалась я. Следующую мысль подумать не успела. А все потому, что женщина повернулась и я увидела, как она держит за руку ребенка лет десяти. А ребенок сжимал поводок, который оканчивался на шее раба, стоящего на коленях.

— Что это у них? — слегка ошалев, я не смогла сдержать любопытство.

— Ребенку продали взрослый книга, — объяснил Гэри суть конфликта.

— О-о-о! — только и смогла выдохнуть я.

Женщина тем временем дернула ребенка за руку, раб поднялся с колен, и вся процессия направилась прочь от несчастного магазинчика. С облегчением на лице мужчина вытер испарину.

— Пожалуй, я тоже туда зайду, — произнесла я и направилась в сторону книжного.

— Что угодно госпоже? — нацепив на лицо улыбку, метнулся мне навстречу продавец.

— А что у вас есть?

— Все, что душа желать, — продолжал переводить Гэри. — Вот хит сезона. На шенталирском, — замялся продавец.

— Ничего, — заинтересованно улыбнулась я. — У меня переводчики есть.

— Вы обязательно почитать! Беременный от Трех Инквизиторов, — Гэри замялся и снова уставился в пол.

«До чего же легко его смутить», — удивилась я.

— Э-э... А еще что есть?

— Еще? Попаданка и ее Рабы!

— Пошли, Гэри.

Не дожидаясь, когда торговец переключится на следующий бестселлер, я направилась прочь.

— На кассу! — скомандовала с замиранием сердца. Все-таки покупок набралось многовато.

Денег хватило, и даже осталось целых семьсот пятьдесят семь лир. Но до выхода из торгового центра дожили не все. Случайно мой взгляд зацепился за маленький киоск, приклеившийся к стене. Чуть покосившаяся вывеска на нем напоминала уже знакомую надпись в моих владениях.

— Аптека? — мои брови удивленно взметнулись вверх. А что, так можно было?

Гэри кивнул.

— Мне антибиотик, самого последнего поколения и самого широкого спектра действия, — сообщила я фармацевту, надеясь, что Гэри переведет правильно.

Пожилая женщина хмуро пробормотала нечто под нос и показала мне упаковку, на которой значилась цена: двести семь лир. Ну ничего себе!

Еще несколько минут на уточнение характеристик препарата, и мой кошелек в сумме с жаропонижающим потерял двести тринадцать лир. Хорошо, хоть последнее оказалось не такой космической стоимости. А вот от покупки нестероидного противовоспалительного пришлось отказаться, когда продавец предъявила уже встречавшуюся мне здесь коробку. И развела руками в ответ на вопрос, есть ли что побезопаснее.

В больницу мы вернулись, когда жара начала спадать, а облака окрасились в предзакатное зарево. Разгар пылевой бури, если она вообще сильно бушевала, по-видимому, при-

шелся на наш шоппинг. Лишь воздух на обратном пути оказался более тяжелым.

Настороженно прислушиваясь, мы поднялись по лестнице, прошли по коридору. Только гроыхание наших шагов эхом отражалось от стен. По пути я заглянула в процедурный кабинет, ухватила фармакопею и градусник.

Отперла дверь в служебку, приоткрыла и на пару секунд замерла. Изнутри не доносилось ни звука. Нажала на выключатель, оживив тусклую лампочку в коридоре.

Гэри устало опустил сумки на пол и тут же их подхватил снова. «Видимо, опомнился, — хмыкнула я про себя, — что разрешения ставить их не давали». Тут же махнула рукой: «Все верно, ставь здесь». А сама, сжимая шокер в кармане, подошла к двери в дальнюю комнату. Подозрительно тихо все и спокойно.

На секунду задумалась, не слишком ли это, стучать в комнату рабов. Но дальше ломать себя в угоду местным нравам было не вмоготу. Постучав, я толкнула дверь и потянулась к выключателю.

Едва вспыхнуло освещение, Дин заворочался, а я с облегчением выдохнула. Ничего за время моего отсутствия не произошло.

— Как себя чувствуешь? — спросила я дежурным тоном, подойдя к постели.

— Лучше, — ответил он, чуть помедлив, и приподнялся. «Угу, так я и поверила», — проворчала я про себя, про-

бегая взглядом по прищурившемуся от света пациенту. Поднять-то его быстро на ноги я бы сумела. Но не на этой планете.

— Измерь температуру, — протянула я градусник, который Дин молча сунул подмышку.

Выйдя из комнаты, я отдала Гэри распоряжение сходить за водой и разогреть еду, а сама направилась изучать фармакопею. Надо проверить, что за фарму я купила за двести лир.

Повертев в руках блеклую картонную упаковку и отыскав латинское наименование, я вскоре отлистала талмуд на пятьсот семьдесят четвертую страницу, где значилась искомая статья.

Мой подход к выбору препарата подтвердил себя: несколько из пушки по воробьям, но сейчас на подбор и на ошибки времени нет. С побочками, вообще-то не очень радостными, придется смириться.

Ну хоть от по-настоящему ядерного снадобья отказалась — а его здесь, похоже, любят, несмотря на то, что это древний препарат, разработанный специально для онкологии, но применявшийся как обезболивающее налево и направо. Нет уж, между вариантами посадить почки и перетерпеть выбор очевиден. Прости, Дин.

Когда увидела на градуснике тридцать девять и семь, я убедилась, до чего кстати оказались мои последние покупки.

Дин отказался от моего предложения воспользоваться помощью Гэри и вскоре настороженно, держась подозрительно

близко к стене, зашел на кухню. Выглядел он в более ярком свете совсем неважно. Лицо помятое, как после недельного кутежа. Значит, спал, пока мы по магазину шастали. Уже хорошо.

Фингал на скуле прорисовался еще четче. Волосы растрепанные — видно, что пытался пригладить, но безуспешно, — и штаны жеванные, как если бы, не раздеваясь, так и лежал под одеялом.

Не тратя время на слова, я рукой показала на свободное место за столом. Но Дин продолжал стоять истуканом, задумчиво глядя то на меня, то на Гэри, уничтожавшего свою еду со скоростью саранчи.

— Садись, — вздохнула я и снова показала на тарелку. — Твой обед. Потом еще антибиотика одну таблетку примешь и жаропонижающее, — перевела я взгляд на коробки с лекарствами на столе и пояснила: — Сегодня у тебя только суп, нельзя резко наедаться после голодовки.

Дин нерешительно переступил с ноги на ногу. Взгляд из задумчивого трансформировался в недоуменный и снова заскользил по моему лицу. С места он так и не сдвинулся.

— Тебе точно лучше, чем было днем?

— Да.

М-да, в лаконичности не откажешь.

— Тогда в чем дело?

— Так не принято, — выдавил он из себя, наконец.

— Как?

— Есть за одним столом.

— Гэри ест, что не так?

— Гэри можно, мне — нет.

Мне захотелось закатить глаза, но дело от этого не ускорится.

— Поняла, преступникам нельзя находиться за столом с господами, так?

— Да.

— Слушай, все эти шенталирские правила, больше характерные для пациентов с обсессивно-компульсивным расстройством, меня уже достали!

Произнесла я тираду с излишней горячностью, даже Гэри отвлекся от еды и бросил на меня осторожный взгляд:

— А потом вы его накажете, за нарушение субординации?

— Пока у нас невыполнение приказа, — зашипела я.

Дин, наконец, отклеился от стены, приблизился и сел за стол. Все это действо сопровождалось непередаваемым выражением лица. На миг показалось, что взгляд серых глаз стремится пролезть в голову и прочитать мои мысли.

Он что, гадость от меня каждую секунду ожидает? Или в чем еще дело? Ладно, придется повторить.

— Дин, пока ты здесь, это место за столом твое. Будь добр, не заставляй меня следующий раз тебя клещами сюда усаживать.

— Хорошо, — согласился он ничего не выражающим голосом.

Больше Дин не тупил и принялся спасать суп от остывания. А я про себя отметила, что руки и в самом деле начинают его слушаться.

Затем руки Дина справились и с чашкой. Но занят он был, мне казалось, больше не чаем, а демонстрацией безразличия к происходящему. Как кот, которому совсем не интересны сосиски на столе. Смотрит в другую сторону, но только и ждет, когда добыча останется без присмотра.

Так мы просидели минут пятнадцать, пока я не поймала на себе его изучающий взгляд, от которого меня накрыло смятением, а мурашки, казалось, сорвались в бег из самого сердца, пронзая током каждую клетку тела.

Что ж, усталость заглушила здравый смысл, и я излишне расхрабрилась, хотя и помнила, что рядом убийца. Но думать об этом буду завтра.

А сейчас, когда все неотложные дела сделаны, невыносимо захотелось спать. В конце концов, последние сутки с половиной я живу как на энергетиках: силы, непонятно откуда, еще берутся, но на здоровые эмоциональные реакции нечего и надеяться.

— Я спать, вы тоже не засиживайтесь, — сообщила я и встала из-за стола.

Сомневаясь до последнего, добавила, обращаясь к Дину: — Если станет плохо, буди.

Задумчивый кивок был мне ответом.

Зашла в свою комнату, подвинула стул вплотную к двери.

Если дверь попытаются незаметно открыть, проснусь от шума. Разобрала постель и нырнула под одеяло. Положила рядом шокер и, едва опустила голову на подушку, провалилась в темноту.

Глава 18

Утро началось с того, что я проспала. Подскочила, когда солнечные лучи лизнули своим горячим языком лицо и успели уже слегка нагреть воздух в комнате.

Расфокусированный взгляд выцепил размытые очертания стула, с моей легкой руки превратившегося в баррикаду, и я, вспоминая последние события, протерла глаза. И прислушалась.

Ни звука. Видимо, ждут разрешения. Сейчас это сюрпризом не стало. «Быстро я привыкла к своему новому статусу», — подколола сама себя, и выбралась из-под одеяла.

Все-таки до чего неудобно жить на одной территории с посторонними мужчинами. «Сейчас бы вот так, как встала, прошла на кухню и выпила чая, а потом уже оделась», — фыркнула я, пытаюсь попасть в штанину. До первой чашки чая или кофе по утрам я всегда не в форме.

На кухне было пусто. Я поставила чайник на плитку и направилась проверять, как чувствует себя пациент.

Снова сперва постучала. Надеюсь, через несколько дней я перестану встречать на лицах это странное выражение, как будто делаю нечто недостойное.

Надо над этим подумать. Не перестанут ли меня бояться из-за моей мягкости. «Здесь это признак слабости», — вспомнила я собственные мысли по поводу Линсера. Если

посмотреть, как меняется отношение ко мне Гэри, то, похоже, этот подход актуален и для него.

— Добрый день, — я скользнула взглядом по Гэри и остановилась на Дине, который при моем появлении выбрался из-под одеяла.

«Ну и фингалище!» — охнула я, хоть и ожидала увидеть «красоту». Нудный голосок в голове напомнил, что хорошо бы сделать рентген скуловой кости, да где его взять?

— Как думаешь, перелома нет? — обратилась я к Дину.

— Откуда мне знать, — дернул тот плечом.

И то верно. Я сунула ему градусник, затем озвучила планы на сегодня: после завтрака Гэри предстояло поработать в аптеке, а вечером — я окинула взглядом состояние своей вчерашней работы — поучиться перевязке.

Через час мы уже всю перебирали аптечные залежи и оттирали грязь. Нос щекотало от запаха серы — Гэри потревожил разбитую склянку с бледно-желтым порошком. Выгребая из угла осколки, мой помощник на мгновение перестал ими звякать, и вскоре я поняла, насколько загодя он уловил постороннее присутствие: в дверях появился очередной незваный гость.

— Разрешите представиться, — улыбнулся одними губами седоватый мужчина, — Ольдсен Иленри, — и пробежал оценивающим взглядом по фигуре.

«Да что же такое! Здесь все озабоченные?» — возмутилась я про себя, но ответную улыбку продолжила держать на

лице. И не зря.

— Полина Мелихова, новый вра...

— Я отец Линсера, — не дал мне договорить посетитель, и по его лицу я поняла, что улыбка испарилась с моих губ. — Не пугайтесь, — упреждающе поднял он руку, — я пришел извиниться за поведение своего сына.

После пары секунд оцепенения захотелось ответить, что сыночек сам должен извиняться, а не отправлять отца. Но я закусила губу и молча ждала продолжения разговора. Эти извинения папаши-богатея явно неспроста, и что-то ему от меня надо.

— Линсер тоже придет, — словно прочитал мои мысли мужчина.

Что? Мерзавец придет сюда? Извиняться? Такую разэтакую! Надо Дину сказать, чтобы не вздумал высовываться. Пусть лежит себе и лежит в служебке с пневмонией.

— Я очень огорчен поведением сына, он вел себя недопустимо, — гость даже как будто склонил голову, чем вызвал у меня прилив паранойи. Что здесь происходит? Не испугался же он, что я жалобу в полицию подам?

Противоречия раздирали на части. Делать вид, что все произошедшее пустяки, не хотелось. Но и не говорить же, что главный пострадавший здесь Дин.

— Он очень сожалеет о своем промахе, — продолжал мужчина. — Может ли он загладить свою ошибку?

— Может, — я поджала губы. — Я хочу его попросить

больше не приближаться к моим рабам. И ко мне.

— И все?

Просто кивнула в ответ.

— Он больше не приблизится, даю слово.

Смотреть на улыбающегося мужчину, в глазах которого плескались льдинки, оказалось занятием не для слабонервных, но я справилась и улыбнулась в ответ.

— Могу я компенсировать урон?

С приклеенной улыбкой я замотала головой:

— Нет необходимости, ничего не разбито.

Пожилой мужчина снова не дал договорить и махнул рукой.

— Сейчас придут несколько рабов и под присмотром моего сына отмоют здесь все до блеска. Горячая вода есть?

Я молча переваривала эту фразу. Ольдсен по-своему истолковал мое молчание.

— Подключим, займет какое-то время. Раньше здесь вода была, коммуникации подведены.

— Не стоит, — отказалась я и попыталась морально настроиться на появление Линсера. По манерам Ольдсена понятно, что мои возражения ему до лампочки.

— Вот и отлично, — словно не услышав меня, он полез в карманы и протянул ручку с бумагой. — Напишите расписку, что вчерашний инцидент исчерпан.

Листок, где я нацарапала требуемую фразу, быстро скрылся в ловких пальцах мужчины.

— Всего доброго, — дал он понять, что визит окончен, и развернулся.

«Теперь надо ждать сынка «вежливого» господина, — вздохнула я. — Если он не наврал».

Ольдсен не соврал. Не прошло и полчаса, как Линсер в компании семи рабов прогрохотал за дверь, и я, сжав зубы, вышла встречать помощничков.

— Привет, дорогая! Я тебя искал в служебном жилье, но там только твой раб прохлаждается, — словно это не я его вчера припечатала шокером, начал раскланиваться Линсер. — Не пугайся ты так, ничего я ему не сделал, просто пару слов сказал и продолжил искать тебя.

Чуть оперев руки в бока, а заодно вспоминая, что шокер остался лежать в спальне, я продолжала слушать неутихающий поток речи, в которой на извинение не было и намека.

— Не сердись, детка, — Линсер подошел совсем близко. — Я вчера был не в себе.

— Тяжелый день? — с ехидством уточнила я.

— Очень тяжелый, — схватился за подсказку мерзавец, якобы не заметив мой сарказм.

— В таком случае не являйся ко мне и моим рабам в такие дни, — процедила я сквозь зубы.

— Обещаю! — слишком легко согласился Линсер. — Что нужно делать моим парням? Мы все твои, детка, — маслянистый взгляд промелькнул и исчез.

Папа дал сыночку втык за поведение? Как интересно!

— Нужно отмыть здесь все. Колодец во дворе, ведра и ве-
тошь в подсобке. Каждый наполняет ведро, идет ко мне за
антисептиком и приступает к мытью. Сначала стены и по-
верхности, потом пол.

— Слышал? — Линсер повернулся к стоящему за спиной
рабу.

— Да, господин, — тот поклонился до пола.

— Исполняйте.

Засыпав марганцовку с лимонкой во все ведра, я собра-
лась быстро забежать в служебку, чтобы проверить, как там
Дин, но Линсер не отступал ни на шаг.

— Хочешь поговорить? — сдалась я.

— Хо-о-очу, детка, — ответил с придыханием, окатив ме-
ня волной перегара. Похоже, спиртное здесь льется рекой.

— Слушаю, — я уверенно посмотрела прямо в глаза про-
тивнику.

— С глазу на глаз, — повел головой Линсер, не обращая
внимания на мой недобрый взгляд.

— Идем сюда, — и рада бы послать подальше мерзкую
лыбящуюся рожу, но не отстанет он просто так.

В ожидании всего самого плохого направляюсь в памят-
ный Линсеру процедурный кабинет.

Только дверь закрывается, как Линсер сбрасывает маску
и возвращает всю свою развязность.

— Мы не договорили в прошлый раз, — надвигается он
на меня, а я отступаю на шаг и упираюсь спиной в холодную

стену. Мелькает непрошенная мысль, как долго вчера Дин с пневмонией на нее опирался, на тебе осложнения...

— А ты что-то хотел сказать, Линсер?

Упираясь одной рукой в стену, другую утопив в кармане брюк, парень нависает надо мной. Зря я пошла с ним, наивно было думать, что сегодня его неподобающее поведение испарится.

— Для тебя, детка, Линс. Просто Линс.

— Ладно, — соглашаюсь и осторожно пытаюсь высвободиться, от перегара начинает мутить. — Как обращаться ко мне, ты знаешь.

— Хорошо, Полина, — противное лицо еще ближе, и я вижу мелкие неровности щетины, оставшиеся после бритья, и даже небольшой порез. — Ты так и не ответила, сходишь со мной в «Ветреную лаванду»?

— Это клуб? — делаю вид, что первый раз слышу про это славное заведение.

— Вроде того, — чуть ухмыляется Линсер и откровенно раздевает меня взглядом.

М-да, в «Ветреную лаванду» без надежного спутника мне лучше не заглядывать.

— Там не только стриптиз, там есть еще кое-что интересное, — касается уха губами, и я едва удерживаюсь, чтобы не передернуться.

— Хочешь сказать, тебе есть чем меня удивить? — начинаю отталкиваться руками, но Линсер этот жест понимает

по-своему и хватает меня за талию, прижимая к себе.

— Выход в галанет, — шепчет, обжигая дыханием.

Останавливаю руки в полудвижении. Ради выхода в галанет я готова стерпеть и мерзкое дыхание, и противные горячие пальцы, и влажные губы около уха, которые опускаются еще ниже и оставляют слюнявый отпечаток на шее.

Дверь открывается. Очень кстати — Линсер и не думает отстраняться. Пытаюсь оттолкнуть и поднимаю взгляд на вошедшего.

Дин?

Как не вовремя!

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.